

САМЫЙ СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ

Юрий Валин

Разведгруппа из будущего

Юрий Павлович Валин
Самый старший лейтенант.
Разведгруппа из будущего
Серия «Самый младший лейтенант», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2849395

*Самый старший лейтенант. Разведгруппа из будущего / Юрий Валин: Яуза, Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-52868-4*

Аннотация

Новый фантастический боевик от автора бестселлеров «Самый младший лейтенант» и «Выйти из боя!».

Новая операция корректировщиков истории, заброшенных из нашего времени в апрель 1944 года, в самое пекло боев за Севастополь, где советская морская пехота, прозванная «черной смертью», добивает окруженных гитлеровцев. Новое задание разведгруппы из будущего, которая должна изменить ход истории, превратив штурм Севастополя и освобождение Крыма из тяжелого поражения Вермахта в военную катастрофу, сравнимую со Сталинградом.

Содержание

Пролог	4
Часть первая	12
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Юрий Валин

Самый старший лейтенант. Разведгруппа из будущего

*Автор благодарит: Сергея Звездина – за техническую помощь;
Анну Серяк, научного сотрудника «Музея обороны
Севастополя» – за помощь в работе с документами;
Екатерину Склярову – за переводы с немецкого; Александра
Москальца – за помощь на «всех фронтах».*

*Автор просит считать все совпадения имен, фамилий
и географических названий не более чем совпадениями.*

Пролог

15.03.201? г.

Из разговора в кабинете.

(Арбатская пл. 4)

... – Разбрасываемся. Считай, ни один толковый проект до ума не довели.

– Как же, вот форма новая. Погоны политкорректные.

– Смешно? Мне что-то не очень. Что финансируем? В какую ж... миллиарды сливаем? НИОКРы¹, блин, БЛИНОКРы. Подводные планеры и боевые медузы, дрессированные роботы-писари. Вот ваш этот «К» – ну, какого черта? Кого сейчас исторические эксперименты интересуют? Лучше бы еще пару беспилотников заказали.

– Есть мнение, что нужны эти эксперименты. Это, знаешь ли, направление перспективное, небезынтересное, хотя и не совсем по линии нашего ведомства. Ну, не при нас отдел создавали, не нам его и закрывать. Тем более экономии там с гулькин... Штат крохотный, вон, уже срочниками должности закрываем. А я, между прочим, справку по работе «К» ежемесячно наверх даю. На самый ВЕРХ...

* * *

Танк двигался медленно, высокомерно выпятив длинный ствол орудия с чванливым набалдашником дульного тормоза. Из окна жуткая 57-тонная машина смотрелась как на картинке: поза в три четверти. Равнодушно лязгали гусеницы, сыто ревел двигатель...

За высокой кормой на мгновение показалась фигура в камуфляжной куртке – Женька торопливо дал короткую очередь. ППШ послушно содрогнулся в руках. Ни в кого, конечно, попасть не удалось, но из-за брони высовываться поостерегутся. Определенно эсэсы. Хрен их, сук, не узнаешь.

Бронированная махина продолжала двигаться по улице, размеренно взреывая двигателем. Трехцветный камуфляж, широкая башня. Угловатый громоздкий ужас, повадками ничуть не похожий на хищную грациозность полосатой кошки, чье имя присвоили чудищу

¹ НИОКР – Научно-исследовательские и опытно-конструк-торские работы.

неофициально. На правой стороне толстого «лба» красовался тактический знак – белесый то ли слон, то ли мамонт. Это в масть – какая же гадина здоровенная!

502-й батальон тяжелых танков? Откуда здесь? Откуда?! Они же где-то под Нарвой?!

Близко-то как. Была бы противотанковая или бутылка КС, можно было бы рискнуть. Остановить не остановишь, но пугнуть имеет смысл. У фрицев нервы тоже не железные, это мы знаем...

Противотанковых средств нет в наличии, следовательно, отходим на заранее подготовленные позиции. Откуда здесь все-таки 502-й тяжелый?

В неясной дымке выхлопа мелькнули сразу двое эсэсовцев – Женька ударил из автомата.

Осекся ППШ на «полуслове». Твою..., рядовой Земляков. Память у тебя еще ничего, документальные источники вполне регулярно в мозгу откладываются, а патроны отсчитывать так и не научился. Женька выдернул пустой диск. Тьфу, а как же... Там пружина такая хитрая, без навыка...

– Кать, у меня патроны... Уходить нужно.

Зашвыривать пустой диск в угол комнаты Женька не стал – не так мы обучены. Без нервов. Отходим. Рядовой Земляков обернулся и в ужасе уставился на глухую стену. Двери не было. Абсолютно глухая стена. Капитальная. Несколько выщерблин от осколков, выгоревшие рыжие обои. Слева буфет, щерящийся осколками лопнувших стекол и свежими щепками. Справа одинокая тумбочка – единственный белый слоник на пыльной полке опрокинулся на бок. Видно, не только рядового Землякова близость бронированного «тигро-мамонта» пробрала...

За буфетом дверь! Женька, понимая, что глупость творит, кинулся к попорченному изделию неизвестного краснодеревщика. Пол содрогнулся от близкого взрыва, гадский буфет сам собою начал валиться навстречу. За ним открылась сплошная стена, квадрат чуть более темных, невыгоревших обоев.

– Товарищ старший сержант!!! – Женька отпрыгнул от взбесившейся мебели, споткнулся и, наконец, проснулся.

Рядовой Земляков сидел на койке. Ступня, которой от души врезал по прутьям металлической спинки, уклоняясь от пригрезившегося злобного буфета, побаливала. Женька яростно поскреб коротко стриженную голову и сказал в сумрак кабинета:

– Тигры, слоны... чтоб им всем задние хоботы поотрывало. Гимназистка истеричная.

Последнее, несомненно, относилось к самому Евгению Романовичу Землякову, которого вновь посетило сновидение довольно позорное и вовсе не подходящее статусу опытного солдата. И ведь помнилось, что сон, а все равно...

Что должно сниться рядовому срочной службы? Без всякого сомнения, девушки и мамыны пироги.

Еще шелест далеких родных берез. Ну, с шелестом берез в центре Москвы дела обстоят не очень хорошо, посему ассоциации с отчим домом иные. Да и вообще от места службы до родного подъезда – тридцать две минуты пешком. Если на метро – то тридцать семь минут, поскольку две пересадки приходится делать. Да еще станция «Парк Культуры» ныне закрыта по случаю затяжного ремонта. Что касается девушек, то после позавчерашнего свидания рядовой Земляков мог спать вполне спокойно. Ирина – девочка современная и продвинутая, понимает, что армия это вам вовсе не «шутка юмора», посему время увольнения потратили с толком.

В теплом местечке службу «тащите», товарищ Земляков. Практически Арбатский военный округ. Кому еще так везет? Личные апартаменты, двенадцатиметровые, правда зато от койки до основного места несения службы – два шага. Вон он, монитор, желтым глазом

ехидно подмигивает. До следующего военного объекта – холодильника аж шагов двадцать. Вода минеральная холодная, ну как без нее отчизну защищать?

Женька снова поскреб макушку. На унылую службу, ни та умная голова, ни ее хозяин жаловаться не собирались. Не скучно здесь, в Отделе.

За окном вновь взревело. В отдалении, конечно, за КПП, за забором, на Комсомольском.

– Баран, – сообщил себе самокритичный рядовой Земляков.

На проспекте бронетехника если и бывала, то во времена незапамятные, вроде смутных 90-х. Ныне по Комсомольскому двигались агрегаты хоть и агрессивно рычащие, но исключительно в созидательных и облагораживающих целях. Дорожное покрытие там меняли. Новый мэр распорядился класть асфальт правильно, вот дорожники ночами всё «ложат и ложат». Тренируются.

Минералка в холодильнике имела – засидевшееся начальство выпило не всю, опять на вредное кофе налегало. Женька неспешно выцедил стакан, налил еще. Сполоснул посуду. Должность у рядового Землякова интеллигентная, нужно соответствовать. А если забудешь помыть, то непосредственная начальница – старший сержант Мезина – не преминет напомнить. Весьма ядовито.

Женька поскреб для разнообразия бок. Футболка промокла от пота. М-да, слонотигры, значит? Сновидения – штука загадочная и наукой пока не до конца расшифрованная. Психолог так и говорила – посетят. Ну почему такие идиотские? Могло бы что-нибудь реалистичное привидится. Для отработки тактических навыков.

Интересно, Катерине кошмары сняться? На кое-какие темы старший сержант Мезина не очень-то распространяется. Ладно, любопытствовать не будем. Хватит и того, что сам во сне о помощи возопил. Нормальные люди «мама» орут или «прощай любимая, я не вернусь». А тут – «товарищ старший сержант! Патро-о-о-ны у меня...». Глуповато.

Кстати, глуповато в раздетом виде торчать посреди крошечного «пищеблока». Отдел пуст, но все равно. Женька заглянул в холодильник, извлек войлочный мячик киви и пошлепал к себе. На проспекте слегка поутихло. Земляков пошире открыл форточку и натянул штаны. Мартовская прохлада мозги живо проветрит. Можно немного поработать. Потом сон навалится. Дальше производим подъем и следуем по графику несения службы. Напрочь забываем о тигро-слонячих снах. Слава богу, не каждый день фигня такая снится.

«... Obersturmbannfuhrer приказал идти к лодки. Нас должен был забрать Siebelföhre». Этот самый Siebelföhre – это паром Зибеля². Довольно солидная штука.

Когда ты – переводчик, самосовершенствование есть одно из очевиднейших и непреложнейших требований твоих должностных обязанностей. Тьфу, черт, работы-то сколько. Так, что там дальше?

«...Руководили посадкой Oberbootsmann и саперы...»

Ну, обер-боцманн, он и есть обер-боцманн. Смотрим, что там они наруководили...

Странная служба была у рядового Землякова. Переводить документы и мемуары семидесятилетней давности да иногда встречаться с их авторами. Так сказать, интервью в естественной обстановке. Очень познавательно.

«...На борту stabsmaschinistmann в весьма грубой форме приказал нашим парням...»

М-да. Сумрачный германский гений. Женька принялся стучать по клавиатуре, заполняя форму.

² Паром Зибеля – морской паром водоизмещением 90–230 т. (в зависимости от варианта). Вооружение: 2–6 зенитных пулеметов или 20-мм пушек Вместал до 300 чел.

В командировку переводчик Земляков ходил единственный раз. Не так уж давно это было.

В марте 1943 года. Харьков. Отчаянная оборона города, бои растрепанной 3-й танковой армии и частей гарнизона против прорвавшегося танкового корпуса СС. Очень простое слово – «командировка». Пять дней и ночей. Даже чуть меньше – 118 часов. Женька подсчитал. И совсем не для того, чтобы порадоваться с лихвой начисленным «боевым».

Не объяснишь. Война. «Без всякой там относительной фигни», как иногда говаривает Катрин.

Отдел «К» МО РФ занимается изменением прошлого. Чужого прошлого, разумеется. Свое собственное нужно менять вовремя. Когда оно еще не прошлое, а самое что ни на есть настоящее.

Но существуют еще «кальки». Миры, для простоты называемые «параллельными». Это не совсем так, но если ты переводчик, недоучка из МЛУ³, а не гениальный профессор физики или астрофизики, то лучше принять любительский термин «параллельные» как данность, не озадачиваясь теоретическими уточнениями. Существуют «кальки», и в них можно и нужно работать. Ну, не во всех, естественно. Тут бы с одной-единственной разобратся. Дело сложное, но там живут и воюют свои. Это и залегендированные агенты Отдела «К», и просто свои. Те, с кем доводилось есть тушенку, с кем спал рядовой Земляков бок о бок, кого прикрывал автоматным огнем. Они уже не чужие, пусть некоторым индивидам и видится в этом какой-то нонсенс и необъяснимый парадокс подсознания.

Здесь ты дома – вон урчит и пованивает горячим асфальтом Комсомольский проспект. А там... всего несколько часов, ну, пусть сутки, и ты тоже дома. В воняющем гарью и тротилом, гремящем, умирающем и сражающемся – «дома». Парадокс. Опасный парадокс, по правде говоря. Тут двойная психологическая устойчивость требуется. У рядового Землякова, как ни странно, эта самая устойчивость имеется. Запротоколированная и отраженная в толстенном психологическом исследовании. Сам Женька его не видел, но наставница говорит, что там папочка размером с первую часть «Войны и мира». К концу службы, вероятно, и второй том успеют подшить. Непосредственно относящийся к «войне».

...Так, «Тиса» – это у нас транспорт румынской национальности. Следовательно, речь о том самом конвое, в котором тащились и «Ардял» с немкой «Хельгой»...

Имеется устойчивое мнение, что изменять какую-то там глубоко параллельную нам историю бессмысленно. И это правда. Какие уж там дивиденды, если здесь ничего не меняется? Твои родители, твоя девчонка, и даже эти бурно трудящиеся дорожники ничего не узнают и не почувствуют. Твой прадедушка не вернется из-под Вязьмы. Почти вся 1-я дно⁴ там осталась навсегда, и с этим ничего не поделаешь. Здесь не поделаешь. «Там» – можно. Правда, ТАМ твоего прадедушки нет. Нельзя встретиться, пожать руку и рассказать, что Москву фашист хрен возьмет. Еще один парадокс – личностные линии «ноля» и «кальки» не пересекаются. Вернее, бывает и такое чудо, но это уж такой странный и исключительный случай, что лучше его и не рассматривать.

Впрочем, сама практика работы в «кальках» странна до невозможности. По сути, там тоже ничего не меняется. Нет, Отдел пыхтит, меняет, меняет и опять меняет, но вектор истории рано или поздно обязательно выпрямляется. Это если смотреть глобально. Напри-

³ МЛУ – Московский лингвистический университет.

⁴ 1-я дно – 1-я дивизия народного ополчения. Сформирована в июле 1941 г в Ленинском районе Москвы. В августе переименована в 60-ю стрелковую. Приняла бой в начале октября. Остатки дивизии дважды выходили из окружения.

мер, можно подстеречь фюрера во время визита в «Вервольф»⁵. Поймать в прицел мерзкий затылок, плавно потянуть спуск... Морду рейхсканцлера разнесет, ушишки прилипнут к бетону. Ну, положим, охрана на винтовочный выстрел не подпустит, что-то другое изобретать нужно. Но вполне можно придумать. Только прежде имеет смысл просчитать, к чему приведет точечное изменение вектора. Ибо роль личности в истории весьма преувеличена, а мудацких (пardon, терминология Екатерины Георгиевны) физиономий в энциклопедии полным-полно. И нужно учитывать, что все желающие туда, в энциклопедию, определенно не влезли – соискателей тьма-тьмуца. Лысых, усатых, с челочками и без. Всем черепа не разнесешь. Иной подход нужен. Стратегический, вдумчивый.

Только и вдумчиво не очень-то получается. Отдел «К» занимается войной, поскольку урожден под сенью славного Министерства обороны. Были и иные Отделы. Даже экономические. По большей части на данный текущий момент их работа законсервирована. И не только в России. Деньги считать везде умеют, и выбрасывать время и средства на ветер иноземные коллеги тоже не любят.

История старая и опытная, гм, тетка. Упрямая. Неподдающаяся. Она всегда гнет свое. И вектор неизменно выпрямляется.

Берем пример близкий, понятный и актуальный.

Женька открыл карту. На экране возникла знакомая «корзинка» или кривоватый «мешок» полуострова Крым, простор синего Черного моря и сдавленное горло Керченского пролива. Вот Севастополь – точка болезненная, и век назад, и два, и остающаяся такой, по видимому, надолго. Увеличиваем картинку. Город у моря, окрестности. Наша Катерина там побывала в самом конце июня 42-го. Иногда начальница рассказывает, и ее начинает натурально ломать. Сдали мы город, и присутствовала там в те скорбные дни сержант Мезина. Сделать ничего не могла, да и не имела права. Свое имела задание, локальное и, наверно, очень важное. Но видела Катерина бойцов уходящих на Херсонес. Знала о том, что там будет...

Нет, не нужно об этом. Лучше подойдем с практической точки зрения. Вопрос элементарен – можно было удержать город? Зная, «как будет», имея все расчеты и данные. Можно чуть осторожнее вводить в бой свежие необстрелянные части, жесточайшим образом разобраться с подвозом боеприпасов. И держаться, держаться на подготовленных рубежах. Подправить, подсказать, помочь отсюда. Там, в СОРе⁶ 42-го, были крепкие люди, учить их смешно, но им бы дать информацию... Группа агентов «К», вброс дополнительных разведанных, точное знание обстановки на море... Справились бы. Женька видел план операции. Можно удержать. Видел и расчеты аналитиков. Коррекция 0,03-0,1. Дерьмовая цифра. Крайне неубедительная.

Где-то лопнет. В другом месте. Севастополь устоит, но немцы прорвутся к Баку? Вряд ли, это даже стратегу-переводчику понятно. Не рискнут немцы наступать на Кавказе, оставляя в тылу такую нашу базу, как Севастополь. Тогда где? Ленинград? Воронеж?

Инициатива останется у фрицев. А мы еще не умеем. Научились стойко держаться, умирать с честью, но побеждать еще не умеем. И уйдут на Херсонес тысячи. В плен уйдут, в смерть. Лучшие бойцы, стойкие, умелые...

«Оставшиеся разрозненные остатки войск на ограниченной береговой территории района бухт Камышевой и Казачьей, 35-й береговой батареи и Херсонесского полуострова в количестве около 50–60 тысяч, из которых около половины, если не больше, были раненые разной степени, лишённые единого командования, а главное, боеприпасов и продоволь-

⁵ «Вервольф» – Ставка Гитлера в 8 км от Винницы.

⁶ СОР – Севастопольский оборонительный район

ствия, пресной воды, несмотря на героическое сопротивление, были обречены на поражение и плен»⁷.

Женька выключил компьютер. Надевать сапоги и сражаться с диалектом среднефранского лучше на свежую голову. А о стратегии должны думать специально обученные люди.

Во дворе было недурно. Мартовская свежесть кружила голову. Асфальтовый запах развеялся, видимо, доблестные дорожники сдвинули свою технику ближе к Лужникам. Тускло светились окошки КПП. Узкий двор спящей части сиял многими лунами, щедро разбросанными по лужам. Женька повис на перекладине турника, вяло раскачивал ногами. Надо бы голову отключить. Прибор сложный и перегревается очень даже легко. Катрин как-то мельком упомянула, что для расслабления и отключения лучше всего занятия сексом подходят. Ну, опыт у товарища старшего сержанта имеется. Хотя столь же очевидно, что и определенные сложности с подбором кадров для расслабляющего отдыха у Катерины имеются. Внешность зеленоглазой блондинки в сочетании с многоопытным задубелым сержантским наполнением – довольно взрывоопасное сочетание. Тут только взрывателя-детонатора не хватает. Интересно, что командиршу изначально наполняло? Не могла же она от рождения...

По проспекту с ревом пронесся припозднившийся мотоцикл. Московские байкеры сезон открыли. Сомнительная, между прочим, техника эти тарактелки. И так шею запросто свернешь, а если по делу использовать... Видел Женька, как хрустят мотоциклы под танковыми гусеницами. Тот эсэсовец, гад, тогда так и не успел спрыгнуть...

На стук казарменной двери Женька среагировал, с турника свалился и даже бушлат успел одернуть.

– Кто здесь вошкается? – осведомилась фигура, украшенная офицерской фуражкой. – Эй, боец, к тебе обращаюсь!

– Рядовой Земляков! – отрапортовал Женька. – Снимаю умственную нагрузку физической.

– А, все у вас не как у людей, – офицер чиркнул зажигалкой, закуривая. – Рановато для физзарядки, да что тебе Устав, такому блатному рядовому.

– У меня, товарищ капитан, должность умственная. От компьютера порой просто глаза на лоб лезут, – на всякий случай оправдался Женька.

– Не болтай. Знаю вашу конторку. Сам собеседование проходил.

Женька дипломатично промолчал. Проходил товарищ капитан собеседование или не проходил, но по факту явно не прошел, поскольку в штате «К» не числится. И вообще не местный. Хотя частично знакомый – уже не первый раз в комендантской казарме ночует. Командировочный. И с майором Варшавиным он действительно разговаривал. Но это не повод.

– Ты молчи. Правильно, – капитан затянулся. – Я так. Ночь сырая. Да еще эти... с гудроном. Не люблю технику ночью.

Кажется, капитан служил где-то под Назранью.

– Да кому ж этот грохот благоухающий нравится... – пробормотал Женька.

Огонек сигареты заалел ярче, и капитан глуховато спросил:

– Слушай, Земляков, а ваша сержантка, она как? Что-то я ее вчера не видел. Здоровая? Если не секрет, конечно.

– Здоровая. Взяла пару дней по семейным.

– Понятно. И что, серьезные семейные? Она вроде не замужем.

Женька вздохнул:

⁷ Маношин И.С. «Героическая трагедия».

– Товарищ капитан, вы уж меня извините. Товарищ старший сержант – мое прямое и непосредственное начальство. Может начальство замуж выходить, разводиться или влюбляться? Смешно даже. Оно же НА-ЧАЛЬ-СТВО.

– Философ? Ну-ну! – Капитан щелчком отправил окурок в урну у курилки. – Ладно, привет своему смешному начальству передавай. Она знает, от кого.

Взвизгнула-стукнула дверь. Опять комендачи сокрушили цивилизованный доводчик и временно присобачили старую испытанную пружину. Женька вновь подпрыгнул и повис на перекладине турника. Привет мы передадим. Как ни странно, Катерина помнит всех мужиков, что ей приветы передают. По крайней мере, тех, что в погонах. Вот и в Назрани человеку изумрудные сержантские глаза покою не дают.

На экране вновь мерцала опухоль оккупированной Тавриды. Но начнется не отсюда. Издалека подступим. Есть план операции, есть глаза в немецком тылу. Довольно противные глазки, нужно признать. Но зоркие. Рядовой Земляков имел сомнительную честь лично участвовать в вербовке. Довольно неприятное занятие эти шпионские игры. Но необходимое. По сути, операция уже давно идет. Медленная, масштабная подготовка. Под стать тому, легендарному, Люблинскому рейду.

Да, кто-то намекнет, что «мелко плаваем». Да, только Крымская операция. Никаких глобальнейших прорывов на политических и военных направлениях. Кишка тонка. Маскированный выход «тридцатьчетверок» к Ла-Маншу и создание атомного первенца к 27-й годовщине Пролетарской революции, совершенно исключены. Операция в рамках фронта – наш предел.

Женька убрал с экрана карту Крыма. Полюбовался на фото подруги. Иришка старательно изображала томность, сидя на борту красивой парусной посуды и опустив одну ногу в набегающую волну. Вот так, товарищ Земляков, некоторые служат, а некоторые на яхтах по Ионическому морю рассекают. Возмутительно. И это в то время, когда весь свободолюбивый греческий народ единым фронтом выступает против повышения налогов и прочих антидемократических провокаций. Впрочем, Иришка здорово поддержала тамошнюю сотовую связь посредством дорожущего роуминга. Волновалась девушка, понимаете ли. Целую неделю с родителями на чужбине, а тут Евгений брошен практически без всякого присмотра. Заботливая. То-то и купальник такой... расслабляющий. Впрочем, подруга уже неделю назад как вернулась и успела удостовериться, что всё с военнослужащим в порядке.

* * *

Штатное расписание Отдела «К» (в/ч04721)

Начальник отдела – м-р Варшавин А.А.

Зам. начальника отдела – (должность вакантна).

Агентурная группа.

Для ознакомления требуется допуск (форма № 4)

Расчетная группа.

Командир группы – ст. лейтенант Филиков А.Р.

Всего 4 шт. ед. (заполнено 3)

Полевая группа.

Инструктор по вводу и координации, командир отделения – ст. сержант Мезина Е.Г.
Специалист-переводчик – рядовой Земляков.
Всего 4 шт. ед. (заполнено 2)

Группа МТО

Всего 3 шт. ед. (заполнено 1)

Из служебной записки начальника отдела:

«...Итого штат заполнен на 45 %. Настоятельно прошу ускорить подбор людей.

И прошу срочно решить вопрос с транспортом».

Резолюция на служебной записке:

«Срочно в отдел кадров! Что они там себе думают?!»

Из телефонного разговора:

«...Бензин тебе компенсируют или нет? Я в финчасть лично звонил. Ну, погоняй еще на своей «вишневой», что тут поделаешь. Осенью «колеса» пробьем. Две машины я тебе гарантировал? Подтверждаю. А по «полевым» и агентуре вообще незачем мне плешь проедать. С психологами, знаю, ты дружишь. Вот их напрямую и доставай. И с новой конторой контакт налаживай в срочном порядке...»

Часть первая Восьмая лодка

27 марта 1944 года.

12.20. Порт города Николаева

Подбитый танк немцы наконец изловчились и отволокли к домам. Урчал, надрывался двигатель тягача, пахали раскисшую землю гусеницы. Напоследок Т-III развернул башню и ахнул по зданию конторы фугасным. Попал пальцем в небо, – снаряд пробил стену элеватора, где никого из советских десантников не было. Оно, конечно, – попробуй в таком дыму рассмотри.

Старший краснофлотец, лежащий у пробитой над самой землей амбразуры, слезящиеся глаза старался не тереть. Промыть бы. Вода во флягах еще есть, только тратить ее на такую роскошь, как водные процедуры, вовсе и ни к чему. Вдруг еще повоевать удастся?

От отошедших танков осталась лишь разбитая гусеница, вытянувшаяся расплюсченной змеей на взрытой земле. Левее железнодорожной насыпи «Гансы» валялись густо, кто-то там еще шевелился, дым прибивало к земле, накрывало трупы и раненых удушливой завесой. Пусть отползают. Патроны еще понадобятся. Жаль, «панцер» доконать было нечем – ПТР уже разбило, с гранатами не подберешься. Теперь одна задача – сечь немчуру двуногую да ждать, когда самого добьют.

Это была девятая атака. Два вчерашних, утренних наскока, можно не считать, – тогда «Гансы» еще никак уверовать не могли, что в порт натуральный русский десант явился.

Морская пехота держалась тридцать четыре часа. Неполная рота автоматчиков 384-го ОБМП⁸. Шестьдесят восемь человек, три ПТР, четыре ручных пулемета и станкач.

Сейчас, к полудню, мало что осталось. Станковый, здорово помогавший из здания конторы, молчал уже часа два. Но сама контора держалась – огрызался из развалин «дегтярь» и автоматы. Братва в дело ушла опытная, новобранцев не брали. Мощное здание конторы, позиция за остатками забора у насыпи да здесь, в развалинах толстостенного сарая, больше похожего на блокгауз, воевали до последнего. Артиллерия армейцев старалась поддерживать – 122-мм корпусные клали снаряды точно, как будто корректировал кто. Только корректировать было уже некому: рацию, вместе с обоими радистами, еще утром накрыло прямым попаданием. Но дальнобойная батарея все равно работает точно, – не иначе кто-то из флотских у них над душой стоит.

Вообще было тяжело. Хана, если честно, морской пехоте. Город, считай, свой, корабельный, – где, как ни здесь, братве погибаться? Широкий лиман, чуть выше по течению сливаются Буг и Ингул. Дельные верфи до войны в городе были. Один черт, обидно погибать. Свои, должно быть, уже в пригородах дерутся. Только, видно, не успеют. Уж очень минометы досаждают. Притаранили «Гансы» два «шестиствольных»⁹ и дают прикурить. Вот, завыло, загнусавило...

Тяжелые мины легли с перелетом, лишь одна задела осколками угол полуразбитого конторского здания. Сейчас прицел подправят, еще залп уложат, а потом проверять полезут. Мины немец сейчас бережет. Не тот «ганс» пошел, скаредный стал, гадюка.

Окраину порта, ту, что за железнодорожной веткой, накрыла серия 122-миллиметровых. Не забывает бог войны, – как в корзину снаряды кладет, – где-то там немцы свои шести-

⁸ ОБМП – отдельный батальон морской пехоты.

⁹ Шестиствольная пусковая установка реактивного миномета 30 cm Nebelwerfer-42.

ствольные каракатицы и пристроили. Видно, есть бог на небе. Или он сейчас на «огневой» командует?

В бога старший краснофлотец не верил, поэтому глянул на соседа, – Юрик зря не высовывался, сосредоточенно снаряжал автоматный диск. Остальная братва тоже не паниковала – четверо отвоевавшихся лежали под стеной, накрытые плащ-палатками. И раненый Мишка молчал, – может, уже и отмучился.

Шестиствольные «ишаки» промолчали, зато после паузы из-за насыпи и от домов полезли опасно пригибающиеся «Гансы». И то дело.

Прошло еще полчаса. Дальше, у причалов ремзавода, кто-то подал признаки жизни. Стреляли яростно, хоть и коротко. Нет, это не армейцы. Видно, кто-то из братвы. Чего в стороне-то оказался? Так всегда в десанте: хрен поймешь, кто, где и откуда.

Старший краснофлотец нежно протер затвор винтовки. Дым от удушливых шашек, что накидали «Гансы» в прошлую атаку, почти развеялся. Можно и работать с толком....

Сквозь тянувшийся над землей едкий дым сияло яркое и холодное весеннее солнце. Подсушит и землю влажную, и кровь пролитую...

21 апреля 201? года.

(по координатной сетке «ноля»).

Москва. Расположение Отдела «К»

Как-то не так и не этак. Думать не получалось. «Фигня полная», как любит говаривать временно отсутствующая товарищ Мезина.

Женька вздохнул, отправил ноутбук в спящий режим и пошел менять род деятельности. Спортуголок был открыт, и рядовой Земляков с ходу заехал ногой в живот «Гиммлеру». Манекен принял атаку с истинно арийской стойкостью, только закачал красной лысой головой. Женька добавил баварцу еще разок и скинул с себя камуфляжную куртку. Пропотеть, и сгинет умственная усталость.

Пропотеть удалось быстро, но смутное беспокойство все равно осталось. Видимо, «колбасить» начинает.

Операция предстояла мгновенная, хорошо продуманная-просчитанная. Не прогулка, естественно, но больше риска в самом «прыжке». Тут начальство совершенно право, и возразить нечего. Расчетное время выполнения задачи – 16 часов, плюс-минус еще часок.

Не в хронометраже дело.

Женька попытался сломать «Гиммлеру» коленную чашечку, но шеф СС даже не поморщился, – единственная «нога» манекена и не такое выдвала. Лишь вздрогнул, гад, надменно выпрямляя потертую спину.

Отдуваясь, Земляков отошел к мату на стене и немножко повыбил пыль из него.

Хреново. Как не трактуй, хреново.

Испытывал рядовой Земляков неопределенное недовольство по отношению к собственному руководству. Чувство абсолютно глупое и смешное в любом случае.

Новый начальник оперативной группы старший лейтенант Толкунов был каким-то не таким. Формулировка идиотская, но так уж получалось. В конце концов, Женька за свою короткую воинскую службу повидал уйму офицеров, командиров и прочих старших чинов. Даже сам какое-то время звездочки на погонах носил. Кстати, не слишком-то понравилось.

А старлею Толкунову собственные погоны нравились. Был старший лейтенант молод, тренирован, бодр духом и посему имел полное право считать себя просто созданным для службы в Отделе. Крепкий спортивный парень, успевший повоевать в горах и заработать вполне заслуженную государственную награду. Образованный, имеющий неплохое

представление о ТОЙ войне. Вероятно, действительно смелый человек, раз излучает такую готовность и уверенность. Внешность приятная, не красавчик, но улыбка располагающая...

ТЬфу! Улыбка-то при чем? Ну, очаровала его самого Катерина, что здесь удивительного? Начальница весьма опьяняюще воздействует на девяносто процентов мужчин. Еще хорошо, что большинству самцов удастся вовремя прочувствовать, что лучше подальше держаться. Да, Екатерина Георгиевна у нас вовсе не девушка, а черт знает что такое.

Короче говоря, о ревности забудем. Рядовой Земляков – человек адекватный, начальницу уважает и даже очень. Посему с интересом понаблюдает: воспользуется ли Катерина свежагиной или сразу выпишет исчерпывающего пинка товарищу Толкунову.

Что в нем все-таки не так? Что-то со службой связанное. Трудно уловить. Одни ощущения. Ощущения – это интуиция или нет? Ты, Земляков, как собака Павлова – одни слюни и нечленораздельное рычание.

Женька вспомнил улицу Академика Павлова, дым горящего города и озлобился. Нашел тему для раздумий, толмач несчастный. Приказ на создание оперативной группы прочел? Расписался? Готовиться начал? Вот над выполнением задачи и нужно думать. С Толкуновым идти, значит, с Толкуновым. Посмотрим, как он там улыбаться будет.

Левой, левой – она слабее. Коленом и ногой. Быстрее! «Медленный – значит, мертвый», – говорит начальница, и она права. Как всегда. Кулаки ныли, хотя бил правильно.

Женька подхватил со стеллажа черенок малой саперной лопатки. Подручными средствами...

Там опять весна. Здесь – два месяца прошло. Там – целый год. Прыжок планируют с двойной коррекцией. Сложно. Расчетная группа ноет, пытается заранее застраховаться от ошибок. Компьютерный Шурик вчера за чаем вздыхал горестно, бубнил о нехороших предчувствиях. Но никакой интуиции у него нет. Один вполне понятный и простительный страх за собственную задницу.

По заднице бить не будем. Глаза – горло – пах. Начальница научит, она лично столько кастраций провела – страшно подумать. Манекен качался, кряхтел.

Прыгнем. Туда и обратно, как в доброй сказке об изъятии материальных ценностей у всяких там драконов-курильчиков и прочих сомнительных типов. Прыгнем, и все будет нормально. А с чем тогда будет не нормально? И что тебе, Земляков, неймется? Нормальный старлей, лично тебя не дергал, «строить» не пытался. Комендачей, конечно, вздрючил, но они сами вечно нарываються.

Надо бы посоветоваться. Катька приедет, с ней поговорить. Хм, вроде бы неудобно. Посмеется начальница. С майором? У начальника Отдела, вообще-то, проблем и так хватает. К тому же начальство и самостоятельно разобраться способно. У него, у начальства, опыт и выслуга лет...

– Слушай, ты инвентарь доконаешь, – в дверях спортуголка стоял Сан Саныч.

– Виноват, – Женька опустил колышек и принялся заправлять футболку.

– Мне вашего «Гиммлера» не жалко, – пояснил майор. – Но добьете куклу, будете бегать, нервничать и искать замену. До осени официально ничего нам не дадут. А в ежедневном спарринге Екатерина тебе непременно за неделю множественные переломы обеспечит.

– Ну что вы, Сан Саныч, она со мной осторожно, – поспешно заверил Женька. – Как с цыпленком.

Майор хмыкнул:

– Скромность украшает интеллигентного человека. Когда вы тут разминаетесь на кошках и цыплятах, мне дверь приходится закрывать. Невозможно по телефону разговаривать – сплошь нецензурная лексика и грохот. Натуральный штурм рейхсканцелярии.

– Виноват. Как-то не осознаем. Сделаю выводы, – заверил Женька.

Майор смотрел с интересом:

– Евгений, что-то мне эта интонация знакома. Учти, что наглая готовность признать вину весьма часто разочаровывает вышестоящее руководство. Никакого, понимаешь, повода провести длинную и увлекательную воспитательную беседу. Не уподобляйся. В конце концов, ты не блондинка.

– Товарищ старший сержант тоже не совсем блондинка, – пробормотал Женька. – Это у нее камуфляж. А насчет шума – я искренне.

– Верю. Хамить ты не любишь, за что тебе отдельное персональное спасибо. Приводи себя в порядок, и побеседуем о делах насущных, пока туристы не прибыли.

Туристы – это Катерина и поехавший ее встречать старлей. Сам вызвался, куртуазный маньерист. Сан Саныч, должно быть, счел, что общение в неформальной обстановке сблизит товарищей командиров. Времени было в обрез. Действия со сдвигом даты старта относительно хронологии «кальки» почему-то от спешки не освобождали.

Вместе с майором еще раз прошли-проверили поминутно первый этап операции. Все вроде было понятно, обсудили возможные осложнения, но ничего нового не придумалось. Сан Саныч глянул на часы:

– Сколько можно добираться из Шереметьево?

– Так Ленинградка, сами знаете, – Женька усердно изучал карту лимана.

Странное дело. Можно быть уверенным – Сан Саныч с начальницей в близких интимных отношениях никогда не состоял. Просто так майор переживает, бескорыстно. Следовательно, можно и с самыми яркими блондинками дружить. Иришка, чудная девчонка, верить отказывается. У нее в университете слишком всерьез дедушку Фрейда изучают. Научная интеллигенция, ничего не поделаешь. Впрочем, Иришка всегда болтает ерунду, а делает правильно.

Пискнул датчик сигнализации на входной двери, застучали шаги. Вернулись. Топал, конечно, Толкунов, а вот это игривое постукивание – хм, неужели на каблуках Катерина?

– Привет вооруженным силам! – ослепительно улыбающаяся начальница ступила в кабинет и нежно поставила на стеллаж звякнувший пакет. – Привет из дивной долины дьюти-фри.

За начальницей вошел Толкунов, галантно несший рюкзачок путешественницы.

– Это еще что такое? – заворчал Сан Саныч, осуждающе кивая на пакет.

– Так до праздника боезапас постоит, не испортится, – сказала Катрин и, неожиданно обхватив командира за шею, чмокнула в щеку.

Изумлялся Сан Саныч редко. Женька не без удовольствия покосился на офигевшего начальника, но тут наставница взяла и поцеловала самого Землякова. Пахло от Катрин какими-то изумительными мексиканско-пряными духами. Мелькнула мысль, что старикан Зигмунд был не так уж не прав в своей психосексуальной категоричности. Малость забылось, какая она яркая, вызывающе красивая, со своим метром восемьдесят роста, глазищами колдовскими, зелеными, коротко стриженная, небрежно стильная.

– Вижу, настроение у сержантского состава бодрое, – заметил опомнившийся Сан Саныч. – Как малая родина?

– Стоит. Капиталистическое разложение до нужной кондиции еще не дотянуло, так что с вторжением за океан придется повременить, – Катрин улыбалась. – Мы работать будем?

– Евгений, чайник включи, – распорядился майор. – Дух переводим и озвучиваем назревшие мысли.

Женька успел налить чайник и подсыпать в корзинку сушек.

В коридоре майор тихо спросил у Катрин:

– Это что за эскапады?

– Шалю, – довольно мрачно сказала начальница. – Нельзя, что ли?

– Глупо. Не ладите со старлеем, что ли? Уже нахамила?

Начальница промолчала. Вошли в кубрик. Катрин ухватила личную кружку с мрачной картинкой, изображающей темные таинственные развалины среди дремучего леса.

– Между прочим, все три дня меня какой-то отвратительной бурдой поили. Нет за океаном нормальной заварки с любимым оттенком веника и пыли.

– Угу, – согласился майор.

Катрин прислушалась к коридору – Толкунов все еще переодевался – и вполголоса сказала:

– Вы меня извините, коллеги. Я от избытка чувств. Во-первых, соскучилась, во-вторых, достал этот мальчик меня. Лучше бы я на автобусе и метро добралась. Евгений, ты лопухи как-то прикрой...

Женька уши затыкать не стал, отошел к раковине и принялся мыть чашку.

– Антипатия, – хмуро сказала начальница. – От хамства я воздержалась, хотя аж челюсть сводило. Неправильный он человек. И не в сексуальных иллюзиях дело. С кем не бывает...

– Ну-ну, – подбодрил майор.

– Всё. Ничего разумного добавить не могу. Смутная антипатия. И раньше присутствовала, а в аэропорту, как его улыбающуюся физиономию и цветочки увидела, так окончательно прониклась.

– Очень убедительно, – сухо заметил Сан Саныч.

– Угу, женские бредни. Возможно, последствие длинного трансатлантического перелета. Так мне промолчать, что ли?

– Нет, молчать не нужно.

– Товарищ майор, – сказал Женька от раковины. – Я тоже.

– Что «тоже»?

– Молчать мне нужно или нет?

– Ясно! – Майор придвинул сахарницу. – Доконали вы меня. Кандидатура командира группы спущена нам сверху, биометрические данные у человека идеальные. Боевой опыт, подготовка. Что прикажите делать? Как отводить?

– Фиг его знает. Но есть ощущение, что сработаться будет трудно, – прямо сказала Катрин. – Улыбка у него театральная. Прямо из книжонки «Общение для «чайников», или Как заставить себя любить».

– А вам кого предоставить с нужной улыбкой? Бреда Пита с Анжелиной?

– Нет, эти многодетные и вообще отвлекать будут, – живо отмела кандидатуры начальница. – Сан Саныч, ты не серчай. Может, все нормально будет. Сходим, проверим. Возможно, Толкунов просто какие-то отвлеченные и неприятные ассоциации вызывает. Жень, у тебя что-то определенное?

– Никак нет. Просто вы меня с интуицией смутили. Вот и тужусь.

– Милая у нас служба, – с горечью заметил майор. – Ладно, спасибо, что не постеснялись высказаться. Теперь не обижайтесь, с психологом придется побеседовать. Не для вправки мозгов, а для пользы науки.

– Так мы за нашу родную науку... – начальница с воодушевлением схватила баранку. – Мы по делу будем говорить или нет?

Вырубился Женька в начале третьего ночи, а в шесть начальница подняла и погнала на пробежку. Проветрились, пробежались. Оказалось, рядовой Земляков от темпа успел отвыкнуть, вымотался порядком. Катрин дразнила – настроение у начальницы было хорошее.

В обед Женька зашел в ее кабинет и застал там Сан Саныча. Разглядывали впечатляющий портрет непонятого зверя: пасть огромная, оскал белоснежных клыков, дымчатая шерсть, ненормальные голубые глаза. Женька с трудом опознал в жутком хищнике пса хаски.

– Мой, – с гордостью сказала Катрин. – Цуцик его фамилия.

– Жуть, – честно одобрил Женька. – Похоже, он танки живьем брать привык.

– Нет, он лесной. Из техники – только на машине кататься любит.

– Странно, – заметил Сан Саныч. – Судя по выражению, хм, лица, он на упряжке запряженной йети кататься должен.

– Сасквочи у нас давно повывелись. Насчет морды – это он так шутит. Поклонник школы Станиславского. На прочее семейство взглянуть хотите?

– В смысле, на его родственников? – с некоторой опаской уточнил майор.

– На наших с ним общих, – Катрин вытащила из сборника «Карт Одесской наступательной операции» цветную фотографию.

Родственники командирши и пушистого хищника выглядели вполне цивилизованно: четыре женщины разных возрастов, смущенный парень и малый мальчуган, насупленно глядящий в объектив. У ног людей сидел пес. Не такой уж этот Цуцик и огромный, несмотря на пышную красивую шубу.

– Пацан мне пасынком приходится, – объяснила Катрин. – Вот эта красотка – падчерица. Парень – ее жених. Остальные – старшее поколение.

– Эта тетенька – тоже ничего, – сказал Женька, разглядывая миниатюрную девушку в очень стильных очках.

– Это Найни. Незаменимое создание с оригинальным характером, – объяснила Катрин. – Если приедет, познакомлю. Она про моих сослуживцев весьма расспрашивала.

Женька с некоторым изумлением разглядывал милых людей. Оказывается, начальница все-таки семейная. Хотя и очень странные у нее родственные отношения.

– Кать, а падчерица, что, твоя ровесница? – поинтересовался Сан Саныч, видимо, удивленный не меньше.

– Вот еще! Соплячка, на шесть лет младше... – Катрин быстро сунула фотографию в книгу – по коридору шел старший лейтенант Толкунов с кипой распечаток.

Пора было возвращаться к службе.

Задачи операции «Порт».

1. Изъятие документации с борта судна «Жиу».
2. Ликвидация судна «Жиу» и следов операции.
3. Слаживание действий опергруппы.

Сроки по отсчету «Кальки»: с 18.00 25.03.44 по 15.30 26.03.44.

Точка воздействия: левый фланг 5-й ударной армии.

Маршрут группы: с. Богоявленское (Жовтневое) – Николаевский порт.

Непосредственное взаимодействие: оперативная группа управления СМЕРШ 3-го Украинского фронта, десантный отряд 384-го ОБМП.

Расчет привлеченных сил и средств собственно отдела «К».

1. Командир группы (II фаза) – ст. лейтенант Толкунов Андрей Викторович.
2. Инструктор по вводу и координации, зам. командира группы (I–III фазы) – ст. сержант Мезина Екатерина Георгиевна.
3. Специалист-переводчик – рядовой Земляков Евгений Романович.

Переброску осуществляет стационарный центр координации «Фрунзе-1». Старший расчетной группы – ст. лейтенант Филиков. А. Р.

* * *

– Попрыгай, Евгений, – приказал старлей.

Смысла скакать на месте Женька не видел, но послушно подпрыгнул, придерживая шапку. Подошвы сапог глухо стукнули по кафельному полу. Больше ничего не звенело, не гремело. Нечему греметь – шли налегке.

– Хорошо, Земляков, – одобрил старший лейтенант.

На Катрин он не взглянул, но начальница запрыгала по собственной инициативе. Она была одета не в шинель, а в кожаную летнюю куртку, оттого и порхала с легким поскрипыванием.

– Кать, ну ты что? – смущенно забормотал старлей, отворачиваясь. – Ты человек опытный. А рядового и проверить не грех. Мало ли... Так, Земляков?

– Так точно. Реального полевого опыта у меня маловато, – признался Женька.

Начальница еще пару раз подпрыгнула – не удержалась, поджала руки-лапки к груди, и даже язык показала спине командира опергруппы.

Толкунов шумно вздохнул, – видимо, и спиной чувствовал, что издеваются. Но одергивать и ставить на место не торопился.

– Документы? Личные вещи? Земляков, атрибуты умной профессии не забыл?

– На месте, – Женька похлопал по карману, где лежали тщательно упакованные очки.

– Тогда присядем? Не возбраняется? – Тон у командира группы был вопросительный, и Женька на мгновение ему посочувствовал. Катерину в подчинении иметь – это запросто спятить можно. Уж проще ей подчиняться.

– Присесть можно, – снизошла сержантша. – Вы, товарищ старший лейтенант, отбросьте сомнения. Всё идет как надо.

– Да? А почему опять по званию? – поинтересовался Толкунов. – Договаривались же.

– Пора в реалии вращаться, – объяснила Катрин. – Мы на сутки «смершевцы» и должны соответствовать грозному имиджу организации. Давай на сутки «Кать– Андрюш» отставим.

– Осознал, согласен, – Толкунов сделал приглашающий жест.

Все расселись на стульях «гримерной». Женька подумал, что забывать из вещей абсолютно нечего. «Голыми» собрались воевать, как любит ворчать командирша. Ладно, Иришке и маме позвонил, прощаться не стал. Всего-то сутки, а если учесть реальное течение времени «нуля», то и того меньше.

– Пошли! – Толкунов резко встал.

За дверью дожидались Сан Саныч и, как всегда взволнованный, командир расчетной группы.

– Собрались? – майор оглядел группу.

Последний инструктаж. Напоминание о немедленном возвращении, если встречающих не окажется на месте. Щиплющий укол чипа «маяка». Готовы...

– Прошу на старт. Время...

– Есть на старт! – Старший лейтенант Толкунов решительно шагнул на ступеньки, спускающиеся к площадке.

Катрин скорчила насмешливую рожу, Сан Саныч украдкой погрозил ей пальцем, и начальница поджала губы.

Все будет нормально.

25 марта 1944 года

1008-й день войны

– Твою мать! Коряга х...!

– Рядовой, пора бы на ногах стоять по-взрослому, – шепотом сказал Толкунов.

Женька попробовал встать с четверенек, нога опять поехала, глупо плюхнулся на колено.

– Ну, ты даешь, Земляков, – прошептал командир.

Катрин подхватила за ляжку вещмешка, помогла утвердиться вертикально. Женька, наконец, выбрался из грязи и попытался отряхнуть полу шинели. Куда там – жижа липкая, холодная.

– В себя-то пришел? – поинтересовался Толкунов.

Говорить шепотом нужды не было. Прибытие опергруппы прошло незамеченным. Раскисший проселок в ложбине был пустынен. Издали доносился рокот артиллерии. Пасмурное небо лохматилось тучами.

– Ну, если очухались, тогда пошли, – скомандовал старший лейтенант.

Пошли, вернее поскользили, вдоль дороги. Глубокие колеи были полны дождевой воды, – натуральное болото – танк увязнет. Вдоль обочины шагать тоже было не сахар: подошвы сапог мигом отяжелели от прилипшей, смешанной со стеблями прошлогодней травы земли. Женька пытался придержать измазанную полу шинели, но осознал тщетность усилий – пусть, зараза, хлопает по голенищам. При такой прогулке через полчаса по уши вымажешься. Между прочим, не виноват рядовой Земляков. Угодил в кювет – так это случайность, а не неуклюжесть. «На ногах не стоишь», ага. Тут пришлось нехорошо себя обозвать – действительно, мозгов у товарища переводчика, как у курицы. Крючки же на полах есть.

С крючками Женька управился и стал похож на какого-то то ли драгуна, то ли гренадера первобытных времен, зато скользить по грязи стало полегче. Теперь бы еще руки обтереть...

Вползли на склон. Впереди виднелись сельские домишки, заборы, голые фруктовые деревья.

– Богоявленское, – сказала Катрин. – Оно же Жовтнэво, то есть Октябрьское.

– Вижу. – Толкунов оправил португеею с пустой кобурой. – Движемся согласно графику и маршруту.

– Плюхнулись мы вроде бы точно, – с отсутствующим видом заметила начальница. – Лиман на месте, населенный пункт наличествует. Судя по пальбе, война не кончилась. Только где водонапорная башня? У нас ведь там randevu?

– Сейчас найдем, – бодро заверил старший лейтенант. – Башня на юго-восточной окраине стояла. Где-то вот там...

Все принялись всматриваться в тусклые домики и деревья.

– Нету башни, – без особенного удивления констатировала Катрин. – Хотя сориентировались мы правильно, если только тут лиман не передвинули из сугубо секретных стратегических побуждений.

– Водонапорная должна быть, – пробормотал командир группы. – Я лично проверял. Она с довоенных времен сохранилась. Постройки 1931 года.

– «Калька», – сказал Женька. – Наверное, в село нужно идти. Уточнить...

– Будет приказ – пойдешь, – железным тоном пообещал Толкунов. – А болтать будешь, когда потребуется. С немцами. Здесь война.

– Так точно, – отрапортовал Женька, поднял щепку и принялся отскребать пласты грязи с подошв.

Стоять на ветру было довольно зябко. Старший лейтенант вглядывался в сельские строения, начальница, похоже, искренне любовалась серой полосой лимана. Там, на берегу,

среди камышей, взлетел вдруг столб воды и грязи, долетел грохот разрыва. Женька инстинктивно присел, начальница согнулась рядом. Старший лейтенант чуть заметно вздрогнул, но остался стоять, широко расставив ноги.

– Товарищ старший лейтенант, – дипломатично сказала Катрин, разглядывая командирский зад с бесполезной кобурой, – мы здесь торчим, такие все из себя эрегированные, внимание привлекаем. Ты бы присел, что ли.

– Шутишь? До немцев полдня на оленях. Бьет дальнобойным по площадям. Что на мелочи внимание обращать?

– Так наши обратят. Зачем нам лишняя популярность? Двигаться нужно.

– Куда? Биноклия нет, не разглядишь ни черта.

Начальница шевельнула губами в нецензурном замечании, мельком глянула на Женьку и сдержалась. Взяла тон озабоченно-доброжелательный:

– Может, по дороге и двинемся? Встретим бойцов, поинтересуемся, куда водонапорную башню дели. Мы СМЕРШ или концертная бригада?

– У нас приказ – лишних контактов избегать, – напомнил старший лейтенант.

– Так это не лишние. Может, это вообще не Богоявленское? Разные фокусы случаются...

Шагать было трудно. Ноги едва поднимались. Женька пыхтел, начальство тоже мучилось с сапогами, пытаясь стряхнуть наслоения жирной грязи. Кое-как доползли до крайних домишек. Глянули на груды немецких снарядных ящиков, на сгоревший остов грузовика.

– По адресу явились, – прокомментировала Катрин.

Командир шутку не принял:

– Кать, прошу посерьезнее. Первый контакт может стать решающим.

– Ясно, – начальница подмигнула Женьке.

Смеется. А, между прочим, в том, что командиру группы заметно не по себе, ничего особо веселого нет. Все нервничают, но он-то первый раз. Можно понять.

Толкунов шагал впереди, поминутно оправляя ремень с кобурой. Улица была разворочена колесами и гусеницами, валялись измочаленные доски и крышки ящиков. Впереди что-то стучало, работали двигатели. На контакт группа выходит. Женька почувствовал себя грязным, смущенным и ни к чему не готовым. Не ляпнуть бы какую глупость.

Первый контакт установила товарищ Мезина:

– Эй, дитя, подойди на секунду!

За плетнем что-то мелькнуло, и показалась детская голова, в туго повязанном платке. Рожца чумазая, под носом болячки, разъеденные соплями, но смотрел малолетний абориген на пришельцев безбоязненно.

– Ой, тетя, а вы дохтур? – Зубов у дитя был явный некомплект.

– Нет, я штабная тетенька, – сказала Катрин. – Ты, красавица, здешней будешь?

– Так як же в Богоявленском уродилась, – заверил ребенок, с любопытством рассматривая офицеров. – Ночлег треба?

– Нет, мы своих ищем. В хате взрослые есть?

– Ой, бабуся тильки. Военных нема. У церкви стоят, – девчушка, перевесившись, через плетень, махнула рукой в цыпках. – Туда ходите.

– Спасибо, принцесса. А водонапорная башня там или в другую сторону?

– О, то вы скажите! Нема вышки. Германец взорвал, шоб мы тут завсе околели, – девчонка бесстрашно раскачивалась на плетне. – Вон там стояла, у Гришкиной хаты. Тоже спалили. Ироды. Теть, а вы точно не дохтур?

– Нет, извини уж. Евгений... – начальница кивнула Женьке, уже развязывающему почти пустой вещмешок.

Дитя живенько, но не без достоинства, сгребло куски сахара:

– Благодарствуйте. С бабусяю повечерим, чаю попьем.

– Хорошее дело, – согласился Женька, затягивая горловину.

– Земляков, вперед! – приказал старший лейтенант.

– Эгей, а я, когда вырасту, точно доктором стану, – заверила девчонка вслед.

– Это правильно, – Катрин, улыбаясь, обернулась: – Выучись, к нам приходи.

Нам лихие дивчины нужны. Только смотри, забор не повали. А то бабуля тебе добавит вавок. С тыла.

– Ни, бабуся добрая, – радостно заверила юная аборигенка. – Вы, если що, ночевничать приходите. У нас клопов нема. Повывелись...

Женька ухмылялся, выдергивая сапоги из грязи. Ничего, раз на месте – уже хорошо. Свои люди кругом.

– Война людей уродует, – вдруг пробормотал Толкунов. – Что здесь, что у нас. Мутанты вырастают.

– Ну, не всегда, – Катрин сняла пилотку, приладила волосы. – Эта русалочка человеком станет. Шустрая, в попе шило. В дерматологи-венерологи или в санитарно-эпидемиологический надзор нацелится. Такие шмакодявки у нас оспу с холерой и задавили.

– Угу, конечно, – старший лейтенант оглянулся. – Земляков, ты руки хорошенько помой, а то чесотку к нам занесешь.

Прошли мимо огородиков. Вдали, на возвышенности, с трудом проползали груженные машины. Слева, за развалинами, открылось разрушенное сооружение, в котором с трудом можно было опознать остатки водонапорной башни. Рядом стоял грязный «Додж», из кузова которого торчала прикрытая брезентом корма лодки.

– Как по маслу, – сказала Катрин. – Главное было, в грязи не затонуть.

* * *

Делать, собственно, было нечего. Женька отскребал сапоги, начальница болтала с водителем, который в спецгруппу формально не входил. Радиста и подрывника Толкунов отвел в сторону знакомиться.

Странно как-то. Может, нужно было с оружия начать? В кузове, рядом с лодкой лежали ящики и мешки со снаряжением и оружием. Начальница нервничала, хотя и не показывала вида. Действительно, с пустой кобурой чувствуешь себя голым. Катерина любит этак прямолинейно формулировать, и, оказывается, никакого преувеличения здесь нет. Не Москва ведь кругом.

Наконец хмурящийся Толкунов подошел, отвел сержантшу за кабину. До Женьки доносились лишь обрывки тихого разговора:

– ...квалификация никакая...

– ...что такого? Война...

– ...задание сорвем. Кто их знает, доверять трудно...

Терпение Мезиной истощилось:

– Не мудри, товарищ старлей. Варварин их сам отбирал. Так что, оружие разобрали, проверили, и вперед – задание выполнять. Спецов из «Альфы» и «Вымпела» все равно не дождемся...

– ...ответственность на кого?...

Катрин вспрыгнула в кузов:

– Всё, товарищи демонстрируйте, что полезного привезли и двигаемся. Время поджимает. Вдруг немец драпанет и нас не дождется?

– Так вы, товарищ младший лейтенант, с нами идете? – неуверенно спросил старшина-радист.

– Здравствуйте! – изумилась наглая Мезина. – Это вы со мной едете. И мы всей кучей поддерживаем операцию товарища старшего лейтенанта. Он специалист, из самой Москвы, между нами говоря. А мы – пажеский корпус. Слыхали про такое формирование?

Старшина и сержант слегка заулыбались.

– А вот товарищ младший лейтенант тоже с нами?

Женька знал, что в своих окулярах доверия у бывалых бойцов не вызывает. Да и заляпанная шинель авторитета явно не прибавляла.

– Я – переводчик. Из Центрального управления.

– Скромничает, – Катрин улыбнулась. – Пострелять наш переводчик успел, да и немцев с оружием в упор посмотрел. Так что, товарищи бойцы, не сомневайтесь. Хорошо сработаем – всем коллективом войдем в Особую группу. Вот тогда уж...

Бойцы переглянулись.

– Особая Берлинская группа, – объяснила Катрин. – По отлову Адольфов. Задача – переловить всех до единого. Потом начальство нужного Адольфика само отберет. Усишки там погуще, челку подлиннее.

Шутка была не слишком тонкой, но бойцы прыснули.

– Мезина! – рявкнул Толкунов.

– Действительно, что мы ляды точим? – возмутилась Катрин. – Стволы давайте...

Пистолеты, свой и подопечного, начальница проверила лично. Сам Женька поштучно отбирал патроны – Катерина доверила. Бойцы поглядывали с интересом, пока старлей не заставил развернуть и включить рацию. Сам Толкунов уже вооружился: немецкие тройные подсумки на ремне, МР-4-0 за плечом, гранаты. Длинный брезентовый чехол, очевидно со снайперкой, и снова подсумки.

Связист возился с «Север-бис»¹⁰.

– Это всё? – поинтересовался Женька, водворяя в кобуру новенький ТТ и запасную обойму.

– Практически всё, – хмуро подтвердила начальница. – В пакете приказ от «здешнего» – в огневой бой не вступать. Категорически. Переоденемся на берегу. Наше дело – только ощупать «корыто». Вот мне для успокоения нервов презентовали, – она подбросила на ладони ножны с финским ножом.

– Помнит Враварин, значит, – пробормотал Женька. – Хорошо, когда о тебе память остается.

– Это ты брось! – резко сказала Катрин. – Рано в этаким тоне о себе думать. Завтра Иришке позвонишь, скажешь, что безумно соскучился. А помнить-то тебя товарищ Варварин наверняка помнит. Здесь хоть и целый год прошел, но твой порез идиотский бутылочный попробуй, забудь. Но уж томик трофейного Шопенгауэра тебе передавать, согласишься, как-то глупо.

– Это да, я иррационалистов терпеть не могу. Их переводить трудно, – Женька улыбнулся.

Ехать было недалеко. Женька упирался ногами в борт накрытой брезентом лодки. На вид посудина была крепкой, что обнадеживало.

¹⁰ «Север» – переносная, трехламповая КВ-радиостанция для работы телеграфом. Модернизирована в 1942 г. и выпускалась под наименованием «Север-бис».

– Бойцы, а как у нас с плаванием, нырянием и прочим гребным спортом? – поинтересовалась Катрин.

– Я грести умею, – сказал сержант-взрывник. – На Оке вырос.

– Уже хорошо. А ты?

Старшина пожал плечами:

– Справлюсь. Хотя на разряд не сдал бы.

– Нам на рекорд не идти. Доберемся, – весело сказала Катрин. – Старшина, ты на меня так не косись. Меня не за легким орденом снарядили. Покровителей наверху не имею, сплю только с тем, с кем нравится. И грести я, кстати, тоже умею.

– Понял. Извиняюсь, – старшина разгладил усы. – А вы из каких мест будете, товарищ младший лейтенант?

Познакомиться толком не успели – «Додж» остановился под прикрытием хаты-развалюхи. Лимана видно не было, но с той стороны несло стылým холодом. Толкунов отправился устанавливать контакт с местным начальством. Доносились голоса, кто-то смачно матерился.

– Готовится братва, – безмятежно заметила Катрин.

Старший лейтенант вернулся взмокший от волнения, но довольный собой. Пакет с приказом передал, сложностей не возникло. Собственно, какие сложности? Приказ подлинный, подтвержденный по телефону из штаба армии.

Катрин, ежась в своей щегольской летной куртке, прогуливалась у машины. Бойцы смотрели на нее странно, – пока начальница шутила да болтала – армейской девчонкой казалась. Своей. А сейчас... Мешает красота на войне, хоть во что ее наряжай.

– Да нормальная она, – негромко сказал Женька, поднимая ворот шинели. – Боевая и опыта хватает.

– Не то слово, – пробормотал старшина. Верхняя часть правого уха у него отсутствовала, и от этого казалось, что подрывник держит голову криво. – Давно ее знаете, товарищ младший лейтенант?

– Да с начала службы. И в командировку с ней ходил.

– Понятно...

Из-за хат вышли трое командиров, поздоровались с Толкуновым. Принялись разглядывать «Додж». Тут из-за машины вышла Катерина, и внимание переключилось на нее.

– Дивчину брать не будем, – отчетливо сказал коренастый капитан.

– То есть как?! – изумился Толкунов.

– Вот так. Десант не шутики. Другого радиста ищите.

– Где искать? Да и не радистка она.

– Тем более. Оставьте с машиной. Нужен человек – в батальоне добровольцев хватает, берите на выбор. Бойцы у нас опытные, проверенные.

– Какие добровольцы? Она специалист. Нужна будет.

– Незаменимых у нас нет, – отрезал капитан. – Я контрразведку тонкому делу учить не собираюсь. Нужно забрасывать – забрасывайте. Но не с нами. Подстрелят зря. Мы с боем пойдем, без фокусов-покусов. Мужское занятие. О чем, извиняюсь, у вас командование думает?

– Командование у нас думает, – с нажимом заверил Толкунов. – У нас, знаете ли, СМЕРШ. Думать у нас умеют.

– А у нас морская пехота. Дело простое – в воду и на фрицев. Убьют девушку зря. Я уж извиняюсь...

– Я тоже извиняюсь, – Катрин шагнула к спорящим. – Будете брать, не будете – ваше право. Спорить не о чем, одно дело делаем, пусть и разным манером. Мы можем и раньше уйти. Лиман не лес – мимо порта мы как-нибудь и сами не проскочим.

– Товарищ младший лейтенант, вы нас правильно поймите, – начал лейтенант в лихо заломленной фуражке. – Вы там не пройдете...

– Я все понимаю, – безмятежно заверила Катрин. – Вы здесь разведку проводили, с обстановкой лучше знакомы. Мы верим. Я вот товарища капитана, по-моему, даже знаю. Вы ведь в 42-м у Балаклавы служили? В 9-й бригаде? Конец июня, да?

– Нет, я тогда в Новороссийске был, – в недоумении признался капитан.

– Обозналась, значит. Очень похожи. Извините.

– Что, действительно в Севастополе была? – спросил до сих пор молчавший старший лейтенант.

– Врать буду? – оскорбилась Мезина. – До 2 июля. На Херсонес мы не пошли, в другую сторону двинули – в горы проскочили.

– Повезло, – угрюмо сказал капитан.

– Повезло, – согласилась Катрин.

* * *

Переодевались в пустующем доме. Женька натянул свободные шаровары маскировочного костюма поверх ватных брюк. Камуфляж был блеклый – размытые вылинявшие и выгоревшие серо-бурые пятна. Словно с мертвеца сняли. Может, и правда... Нет, пахло новым.

– Живее! Живее! – в каморку ворвался Толкунов. – Выдвигаемся! Катюша, рацию, будь добра, прихвати. А мы лодку...

«Мы» – это бойцы и Женька. Лодка со снаряжением оказалась штукой увесистой. Тащили, сопя и увязая сапогами в песке. Старлей шагал впереди, ловкий, вооруженный до зубов, – чехол с винтовкой бережно нес в руках. Молчаливая Катрин шла замыкающей с рацией. Вот и лиман. Правее слышались голоса, стучали топорами – там морпехи к делу готовились.

– Спускаем! – решительно сказал Толкунов.

Плоскодонку спихнули на воду. Женька чуть не зачерпнул голенищем, – ох, черт! Ноги хоть и остались в сухости, но бодрящая прохлада и сквозь голенища чувствовалась. Не искупаться бы.

Старлей уложил в лодку груз и принялся разглядывать в бинокль лиман. По правде говоря, видно было плохо, разве что только простор угадаешь за плотной стеной шуршащего камыша.

– Может, в хату пойдете? – сказал водитель, поправляя на плече автомат. – Я б часовым пока...

– Вы вот что, младший сержант, нечего здесь болтовней заниматься! – резко сказал Толкунов. – Отправляйтесь к машине и немедленно следуйте в отдел. Доложите, что у нас все готово к выполнению задания. Шагом марш!

– Есть, шагом марш! – Водитель неуклюже повернулся через левое плечо и затопал по грязи. Спина в новом, но уже малость замасленном ватнике выражала обиду.

– Не время сейчас расслабляться, – пробормотал старший лейтенант, снова изучая в оптику камышовые заросли и сообщил: – Як морской пехоте. К лодке никого не подпускать, быть наготове. Мезина – за старшего.

Катрин отстраненно посмотрела вслед командиру и потянула Женьку за рукав. Уселись, с трудом выискивая относительно сухой бугорок. Рядовой состав топтался в нерешительности.

– Устраивайтесь, – пригласила Мезина. – Будем неизбежных астрономических изменений дожидаться, то есть темноты. А пока я вас проинструктирую. Вам командир группы мозги вправлял?

– Так точно, – сказал старший сержант, опускаясь на корточки. – Призвал осознать серьезность момента и важность задания.

– Вот это верно, – согласилась Катрин. – Не за портянками едем. Как понимаю, в деле бывали?

– Так точно. Награды как положено – в штабе на хранении. А так в тыл немцам ходили...

– Тогда считаю инструктаж оконченным, – пробормотала Катрин, сдвигая на нос пилотку. – Евгений, не сутулься. Сидеть неудобно.

Начальница вроде дремала, облокотившись спиной о Женькину спину. Земляков вполголоса беседовал с новыми знакомыми. Оба были постарше возрастом рядового младшего лейтенанта – опытные, рассудительные. Взрывник-старшина оказался татарин из Горького. Женька вспомнил о земляке старшины – о лихом механике-водителе, рассказал, как легкий танк по улицам летал, – эсэсовцы только головами вслед вертели. Радист в 43-м тоже был на Воронежском – успел с полком организованно за Северский Донец выйти. Повздыхали, вспоминая отступление. Женька смущенно заметил, что на фронте бывал мало, больше в столице, по специальности трудился. Старшина сказал, что знание языка – дело самое нужное. Если бы в каждой разведгруппе имелся человек, умеющий сносно «шпрехать», то таких бы дел можно было наворотить – только держись. Сам старшина, Махсун Шахметов, или просто Миша, ходил в тыл к немцам неоднократно и, видимо, знал, что говорил. Рассказал, как в одной деревне под Псковом взяли сонными двух фрицев. Один был обер-лейтенантом, другой его денщиком. Обоих скрутили в одном нижнем белье, сгоряча выволокли в лес и потом долго выясняли, кто из них кто. Форму пленных прихватили с собой, но ростом и размером ноги фрицы были одинаковые, да к тому же оба малость ошалевшие, контуженые. Поговорить с ними не получалось, пришлось изучать документы. Кое-как расшифровали. А то так бы и пришлось за линию фронта обоих тащить.хлопотное занятие за тридцать верст лишнего дурака провожать.

– Война вообще чертовски хлопотное занятие, – неожиданно проворчала Катрин. – Давайте лодку вытащим. Что-то мне кажется – подтекает она.

Бойцы переглянулись, Женька тоже сначала не понял. Когда отволокли «крейсер» подальше от воды и уселись в нем с удобством, стало понятнее. Начальница вообще полулежала, облокотившись о мешок с толовыми шашками, посматривала на тропинку с прежним отсутствующим выражением лица. Остальные повозились, старшина неуверенно вытащил банку консервов и хлеб.

– Врезай! – оживилась Катрин. – Легче грести будет.

Сама она продегустировать бутерброд с американской тушенкой не успела. По тропинке протопали трое бойцов-морпехов с патронными ящиками и хмурый младший лейтенант. Катрин живо слетела с лодки, заговорила. Бойцы, да и лейтенант, как почти все мужчины, при виде зеленоглазого и белокурого создания не замедлили глуповато заулыбаться.

Побеседовав, начальница рысцой вернулась к лодке, карманы шароваров забавно оттопыривались-раскачивались – успела выпросить у морячков пару «эфок». С энтузиазмом вцепилась зубами в ломоть с тушенкой. Не очень разборчиво пояснила:

– Нам здешний народ рекомендовал держаться подальше от берега. Дабы не демаскировать подготовку десанта. Понятно?

– А как же. Так товарищу командиру и доложим, – отозвался догадливый Миша. – Маскировка – это святое.

– Вот именно. Чаю бы...

После перекуса бойцы деликатно отошли и закурили. Женька втянул носом забытый было махорочный дым. Катрин сидела, задрав ногу в сапоге на нос плоскодонки, все с тем же отсутствующим выражением разглядывала угол рыбацкой халупы. По всему чувствовалось – злость начальницу так и распирает. Бабахнет товарищ Мезина как фугас.

– Кать, – осторожно сказал Женька, – ты не очень переживай. Просто волнуется старлей. У него первый выход. Он, наверное, все как-то не так себе представлял. Сейчас втянется.

– Представляльщик, что б ему... Чудак, не на ту букву, – пробормотала начальница. – Пока он втянется, мы по его приказу геройски на пулемет побежим. Или цистит с проститом подхватим.

Женька хмыкнул.

– Я без иронии, – прошептала начальница. – О СМЕРШе вечно нехорошие слухи ходят. Начинаю верить. Я к армии и так очень сложно отношусь. А тут ее в какой-то квадрат возводят. В чекистский.

– Толкунов не из органов. Он же армеец.

– Нет, он как раз из органа. Я даже знаю из какого... – Катрин заставила себя замолчать. – Слушай, по-моему, я твой воинский дух подрываю.

– Не преувеличивай. У меня дух исключительно толмаческий. И органы я уважаю.

– Я тоже, – после паузы признала начальница. – У чекистов настоящие мужчины водятся. Я даже дружу с одним правильным дядечкой.

Ходил Толкунов тихо, но услышали его вовремя. Катрин взметнулась на ноги, нахлобучивая пилотку, принялась рапортовать:

– Товарищ командир группы, за время вашего отсутствия происшествий не было! Согласно рекомендации представителя местного гарнизона произвели передислокацию. Местные очень настаивали. Говорят, демаскируем. Немцы тщательно отслеживают любые плавсредства.

Толкунов смотрел в ее зеленые глаза и, видимо, думал о чем-то сугубо стратегическом. Махнул рукой:

– Отдыхайте. С местными никаких разговоров и прочей болтовни. Выходим по графику. Наша лодка замыкающая. Не расслабляться.

* * *

Вышли уже в сумерках. Пошел мелкий холодный дождь. Набитые десанниками байды одна за другой отваливали от полуразрушенной пристани. Ровно, словно отсчитывая минуты, рвались снаряды где-то севернее поселка, но у воды было тихо. Лодки тяжело выстраивались против течения. Пять крупных рыбацких развалюх, низко осевших под тяжестью людей и оружия. Две лодки поменьше. Плоскодонка спецгруппы к причалу не подходила, осторожно выползла из камыша, пристроилась в хвосте. Со свежепросмоленной байды смотрел лейтенант, приветственно поднял руку. Катрин помахала ответно, за что удостоилась осуждающего взгляда командира:

– Серьезнее, – процедил Толкунов, – не в парке отдыха.

* * *

Северный ветер нес мелкий дождь. Двигались трудно – мешали и ветер, и встречное течение. Байды десанта, в основном старые, наскоро законопаченные, сидели в воде низко, бойцы ворочали неуклюжими веслами. Ветер относил все звуки, казалось, во влажной холодной тьме берега отступили далеко-далеко, а может, и вовсе растаяли. Куда тут плыть? Женьке пришла глупая мысль – не стоит ли воду на вкус попробовать? Если соленая, то точно уже в море вынесло. Впрочем, плоскодонка группы спецназначения двигалась легко – лодку выбирали в тылу, очень тщательно выбирали, почти не текла, и весла хорошие. Старший сержант и старшина принаровились, гребли слаженно. Толкунов сидел на носу, приготовив автомат, вглядывался в темноту, скрывающую берег, да следил за кормой идущей впереди байды. Когда опасно осевшая в воду лодка слишком приближалась, предостерегающе вскидывал ладонь. Гребцы-смершевцы умеряли прыть, – обгонять десантников смысла не было.

Холодно. Женька был и сам не прочь сесть на весла, погреться. Некоторый опыт имелся – с отцом когда-то на озеро Пено ездили рыбачить, там у местных лодку на целый месяц брали. Потом еще на Волге были и на Ахтубе. Да, хорошие деньки в детстве мелькали. Вот только теперь и оценишь.

Катрин рядом сидела неподвижно. Капюшон масккостюма накинут на голову, только звездочка на пилотке слабо блестит. И лицо, поднятое к небу, блестит от дождевых мелких капель. Думает о чем-то начальница, и явно не о войне. Наверное, о своем дембеле близком. Кончается контракт Екатерины Георгиевны. Недолго ей осталось мерзнуть и пелену беззвездную разглядывать.

Длинные ресницы шевельнулись, упала капля. Покосилась:

– Нервничаешь, Земляков?

– Еще нет. Холодно, и в сон тянет. Парадокс.

С носа лодки едва слышно зашипел Толкунов, требуя соблюдать полную тишину. Снова бдительно уставился во тьму.

Катрин беззвучно сплюнула в воду и несколькими выразительными движениями изобразила, как кто-то хищный, судя по повадкам, из породы русалочьих, выныривает из глубины и утягивает командира в воду. Старшина неуверенно ухмыльнулся. Женьке тоже стало смешно, но крепился. Вообще-то, зря начальница авторитет старшего лейтенанта подрывает. Толкунов офицер опытный, пусть и не очень симпатичный.

Из мути впереди отчетливо донеслись ругань и плеск.

– Окунулась братва, – прошептала Катрин. – Товарищ старший лейтенант, надо бы помочь.

Толкунов кивнул, коротким движением руки указал направление.

Две байды стояли борт о борт, там копошились-возились десантники. Третью лодку Женька едва разглядел – над водой едва угадывались очертания притопленных бортов, рядом торчали головы плавающих десантников. Кого-то уже втаскивали на байду покрупнее, передавали оружие.

– Эй, помочь как? – спросил Толкунов, пытаясь разобраться в происходящем. – Можем взять одного.

– Да на кой? – сердито прохрипели из воды. – Лодку к берегу отбуксирим, все равно мокрые. «Костыль» да шмотки примите.

Женька с начальницей приняли ПТР, несколько тяжелых вещмешков, цинки с патронами. Подошла еще одна байда, оттуда скомандовали:

– К берегу все! Там, на второй, тоже днище разошлось...

Командирская байда взяла правее, Толкунов приказал следовать за ней. Позади бултыхались и матерились, пытаясь буксировать затонувшую лодку.

Катрин, придерживая ногой ствол ПТР, ухватила что-то в воде, потянула в лодку:

– О, пинжак ватный, строевой модели.

– Кать, замочишь всё, – зашипел старший лейтенант.

– Никак нет, я с краю пристрою, – Катрин попыталась отжать отяжелевшую телогрейку.

Женька помог, и начальница уложила ватник на корму.

– Эй, разведка, поосторожнее! – сказали впереди.

Женька не сразу сообразил, что густая тьма впереди и есть берег. Оказывается, рядом шли. Ну и туман.

Две байды уже стояли у невысокого откоса. Возились, перетаскивая груз, десантники.

Распоряжался командир десантного отряда. Все, кроме часовых, работали с лодками. Катрин и остальная спецгруппа тоже были там, только Женька как дурак охранял смершевскую лодку и рацию. Оскальзываясь на вязком берегу, подскочила Катрин, подхватила выловленную телогрейку:

– Хозяин отыскался!

– Кать, может, и я... – тоскливо начал Женька.

– Бди. Приказ есть приказ. – Начальница зашлепала обратно к морпехам.

Управились, наверное, за час. Как можно было залатать трухлявые лодки голыми руками – для Женьки осталось загадкой, но две окончательно было, развалившиеся байды на воде лимана пока держались. До порта, по словам десантников, отлично знающих местность, было рукой подать. Полумокрые, замершие люди гребли яростно. Катрин, сняв и сунув мокрые перчатки под маскхалат, пыталась уложить груз поудобнее – поклажи прибавилось. Еще патроны, мешок с пулеметными дисками, саперные лопатки. Толкунов оглядывался, морщился, но молчал.

Неожиданно во тьме возникло что-то угловатое, крупное. Тихий плеск волн усилился. Пристань?

Строение проплыло мимо. Женька разглядел лежащую в воде металлическую ферму.

– Товарищ командир, нам не пора? – тревожно прошептал старшина Миша-Махсун.

– Сейчас определимся, – прошипел Толкунов, свесившийся с носа лодки к самой воде.

Катрин аккуратно пнула взрывника – молчи, нормально идем.

Бойцы с байды, шедшей впереди, начали прыгать в воду. Впереди оказался обрушившийся причал. Морские пехотинцы торопливо разгружали лодки, по пояс в воде перетаскивали оружие и боеприпасы на берег, заваленный какими-то бревнами и досками.

– Элеватор? – глухо спросил Толкунов.

Женька сообразил, что командир несколько обескуражен.

– Так точно, вон он, черненьким белеется, – нейтральным голосом подтвердила Катрин, кивая куда-то в непроглядную тьму. – Сейчас разгрузимся, и к точке высадки...

– У нас график, – зашипел старший лейтенант. – Чего раньше не сказала?

К лодке прихлюпали два морпеха:

– Как разведка, не укачало?

– Ой, да мы и понять не успели, – Катрин передала длинное ПТР.

– Тихо прошли, – сказал широкоплечий сержант, забирая тяжелые вещмешки. –

Вы уходите, пока не началось.

– Уходим, уходим. Диски не забудьте. Или нам пулемет оставьте.

– Еще чего! Ваше дело тихое...

По воде прошли еще двое бойцов. Женька передал мешок с дисками. Старшина сгрузил в протянутые руки оставшиеся цинки с патронами. Катрин извлекла, припрятанные под лодочной «банкой» еще в Богоявленском, коробки с пулеметными лентами к станка чу.

– Ну, давайте, разведка, успеха вам.

– И вам, товарищи, успешно бить фашиста, – прошептал Толкунов. – Как и указывает товарищ Верховный.

– Ага, спасибо, товарищ старший лейтенант! – Смутные фигуры похлопали к берегу, одна остановилась и неожиданно жалобно сказала: – Екатерина Георгиевна, так я надеюсь?

– Раз обещала – зайду. Если недалеко от Графской, я наверняка найду. Бывала я у вас.

– Ждать будем, – боец заторопился к берегу.

Старший лейтенант пристально смотрел на Катрин:

– Мы о задании думаем?

– Исключительно о нем, – заверила начальница. – Сейчас метров шестьсот пройдем по течению, и на месте. Дальше ножками.

* * *

– Здесь, – прошептал Толкунов. – Черт, как я не разглядел?

– С воды всегда так, – утешила Катрин. – Иной угол зрения.

Нос лодки по инерции ткнулся в камни. Впереди громоздился поваленный каменный забор.

– Пошли! Я прикрываю, – командир группы с автоматом в руках легко и бесшумно прыгнул на берег.

Женька сунул за пазуху надоевшие очки и взялся за настоящую работу.

Топить добротную плоскодонку было жаль, да и тонуть лодка не желала. Наконец справились, набросали в затопленную лодку для верности бетонных обломков и выбрались на берег. И Женька, и бойцы дружно стучали зубами.

– Да, не май месяц, – прокомментировала Катрин, тоже мокрая выше колен. – Ничего, сейчас устроимся...

– Не возитесь! – окликнул командир, залегший метрах в десяти от берега. – Пошли, пошли!

Женька трудом забросил на спину вещмешок со взрывчаткой. Начальница рывком поправила ляжку, сердито прошептала:

– Евгений, я что тебе про перчатки говорила?

– Забыл, – Женька нашупал в кармане перчатки, – так и есть, промокли совершенно бесполезно.

– Не топчитесь! – зарычал Толкунов. – Вперед, и тихо! Тихо, я говорю!

Пригибаясь, бежали вдоль пустующего бесконечного склада. Из проломов в стене воняло сыростью и застарелой гарью. Сооружения вокруг, да и сам порт казались вымершими. Шорох подошв тонул в туманной тьме. Ни звука, только откуда-то из-за города доносился смутный гул едва слышной канонады – фронт не спал.

Передохнули на углу, среди исковерканных металлических конструкций. Толкунов в бинокль разглядывал двухэтажное, вроде бы уцелевшее, здание.

– Вроде оно, заводоуправление. А там «литейка». Точно вышли.

– Как по нотам, – согласилась Катрин. – Главное, чтобы и искомая посуда на месте оказалась.

– Сверху определимся, – решил Толкунов. – Вот к тому корпусу, потом к пирсам повернем.

– Товарищ старший лейтенант, а вы мне винтовочку не доверите? – поинтересовалась Катрин. – Уж очень я налегке, как-то даже неудобно.

– Ты, Катюша, девушка, тебе положено налегке гулять, – прошептал Толкунов. – Только без обид. Мне стрелять, мне и нести. Так спокойнее будет.

– Полное спокойствие может обеспечить только Госстрах, – проворчала Мезина. – Нужно было мне сумочку прихватить. Помада, пудреница, карандашики с тенями. Ненормальная я девушка.

Она глянула на подопечного, и Женька поспешно замотал головой – вещмешок с толовыми шашками он отдавать не собирался. Потом самому придется бесполезного туриста изображать.

Группа перебежала к выгоревшему остову кирпичного корпуса. По пути обнаружилось, что живые люди в порту все-таки имеются – потянуло печным дымком и чем-то съестным. За плотно занавешенным окном приземистого строения угадывался слабый свет.

Командир и Катрин забрались в разрушенный корпус. Женька с бойцами остался снаружи. Смершевцы выставили стволы автоматов.

– Дрыхнут фрицы, – прошептал Миша-Махсун. – Даже часовых нет. Не боятся.

– Здесь не немцы. Румыны засели, – возразил радист. – Я ихнюю мамалыгу с километра учуять могу.

– Отставить разговоры! – из дверного проема высунулся Толкунов. – Внутрь, и поживей!

Спецгруппа прибыла на место.

Женька взобрался по остаткам ступенек на второй этаж. Катрин сидела у окна, разглядывала в бинокль пирсы. Поблескивала вода, тянулся туман. Неподвижно замерли суда у причалов, торчал борт затопленной баржи. Подальше от берега виднелись надстройки еще какого-то затонувшего судна. У пирса покачивались два катера, буксир. Топтался часовой, прятал нос в вороте шинели.

– Наше корыто вроде там, справа, стоит, – прошептала, не оглядываясь, Катрин.

Женька разглядывал цель. Да, это должен быть именно «Жиу». Катер-тральщик, несчастных 175 тонн водоизмещения, постройки 1926 года. Единственный пулемет на баке – вон он, под чехлом красуется. По сути, в данный момент это никакой не тральщик, а разъездной катер. Капитан-лейтенант фон Миттель, наверное, где-то рядом отдыхает, вряд ли прямо на борту ночевать остался.

– Уверена, что именно это и есть «Жиу»? – прошептал Толкунов. – Или он в середине стоит? Названий не видно, номеров не видно.

– У второго корыта спарка на корме установлена. Буксир не в счет. Так что ближний «дредноут» под описание куда точнее подходит, – заметила Катрин. – Начнем с него. Что нам потом мешают всю флотилию прошерстить?

– Шутишь все? – пробормотал старший лейтенант. – Пора бы и серьезность проявить. Самое время...

Устроились на втором этаже цехового корпуса – там сохранились перекрытия. Радист развернул рацию, Женька помог закинуть грузик с антенной на провисшие остатки кровли.

В порту по-прежнему стояла тишина, замерли высокие скелеты кранов, лишь вода жила, сонно катила волны сквозь рассеивающийся туман. Десант у элеватора уже закрепился и продолжает окапываться. Уже ждут немцев бойцы, нервничают. За городом начало погромыхивать чуть активнее – артиллерия вела беспокоящий огонь.

Толкунов проверил оптический прицел, закрепил на стволе винтовки «БраМит»¹¹. Вынул из новенького подсумка обоймы со странными зелеными головками пуль.

– Товарищи офицеры и бойцы, приступаем к выполнению задания. Свою задачу все помнят, так что начинаем без долгих предисловий. Овсянников, за тобою круговое наблюдение.

Радист кивнул.

– Я извиняюсь, но, может, чуть выждем? – прошептала Катрин. – До рассвета еще больше двух часов, да и погода сомнительная. Вздумают мамалыжники часовых менять, шуму-то будет...

– Рискнем! – отрезал Толкунов. – При всем моем уважении к тебе уважении, товарищ Мезина, сейчас я командую. На катере нам понадобится время, так что тянуть нечего. Решительнее, товарищ младший лейтенант.

– Так точно. Я поднапрягусь, – заверила Катрин.

Спустились вниз. Мешок со взрывчаткой Женьку уже порядком допек. Могли бы и поудобнее поклажу приготовить. Спецгруппа засела за побуревшими от дождей ящиками с каким-то, видимо, даром никому не нужным, оборудованием. Толкунов приготовил винтовку, прислушался:

– Готовы? Тогда рассредоточиваемся и готовимся к рывку. У меня промаха не будет.

– Вы же, товарищ старший лейтенант, снайпер, – почтительно отозвалась начальница. – Мы мигом.

Женька выглядывал из-за пахнущего размокшей фанерой ящика. Румын-часовой топтался у трапа буксира. Ворот шинели, так похожей на краснофлотскую, поднял. Невразумительная шапка натянута на уши. Озяб оккупант.

Тишина. Только однообразный плеск волн. Даже за городом стрельба стихла. Женька сжимал рукоять ГТ, старался на часового не смотреть. Человек взгляд чувствует, начальница об этом как-то длиннющую лекцию прочла.

Румын поправил на плече винтовку, побрел вдоль кораблей. Поднял голову, прислушиваясь – за городом вновь начали падать снаряды.

Выстрела «мосинки» с глушителем Женька практически не слышал, – вроде как отзвук далекой стрельбы. Громче лязгнул приклад винтовки – часовой осел на пирс. Метнулась к нему смутная фигура. Женька, вскакивая, успел подумать, что в маскхалате начальница выглядит смешно – вроде поменьше ростом стала, этаким медвежонок. Довольно женственный. Вон как бедра играют...

Женька пролетел полсотни метров, подхватил часового под вторую руку. Начальница уже волокла тело по сходням. Шепотом возмутилась:

– Да чем же их откармливают? Мамалыга такая питательная?

Труп уложили за рубкой. Старшина Миша-Махсун, попутно подхвативший простреленную шапку румына, присел рядом, повел стволом автомата:

– Тихо вроде?

– А ты думал, – Толкунов с длинной винтовкой взлетел на борт последним, спрятался в тени надстройки. – Проверяем, не задерживаемся...

Женька выпутался из лямок вещмешка, скользнул за начальницей в узкий люк. Лейтенант со своей «пищалью» исчез в рубке. Взрывник Миша остался наверху присматривать за обстановкой.

¹¹ «БраМит» – серийный советский глушитель, разработанный в конце 30-х годов. Назван в честь изобретателей – братьев Митиных.

Внутри было темно. Женька изо всех сил старался не оступиться. Металлический пол предательски вздрагивал под ногами. Вдруг впереди скрипнула дверь, возникла и расширилась полоса желтого света. Начальница с мутно-пятнистой тенью метнулась навстречу, сверкнуло лезвие финки. Кто-то придушенно ахнул. Женька ввалился в кубрик, – воняло здесь прилично. Лежал на полу человек в теплой фуфайке, Катрин выпускала из объятий другого, – тот еще булькал, выплевывая на подбородок кровь. Третий моряк, придавленный ногой сержантши, сжался под одеялом, в ужасе выкатил глаза.

Катрин злобно кивнула – спроси!

– Was für ein Schiff ist das? Antworte?!¹² – рыкнул Женька, вдавливая ствол пистолета в лоб лежащему на койке.

– «Shiu», Herr Offizier. Ich bin nicht schuld¹³... – с ужасным акцентом пробормотал матрос, на его выпуклом, с залысынами, лбу выступили капли пота.

Женька машинально вытер ствол о шаровары и ударил лежащего рукоятью пистолета по темени.

– Что за херня, Евгений? – спокойно поинтересовалась начальница.

– Нормально. Мы на «Жиу».

– Это я поняла. Кто так бьет? Это даже не смешно.

– Так я оглушить. Отключился же...

– Это он от удивления. Ты, Жень, или мне дай работать, или свой гуманизм целиком и полностью потрудишься на Базе в сейфе оставить. Кому нужна человечность хромающая, криворукая?

Из-за переборки донесся приглушенный хлопок выстрела, через мгновение еще один. Катрин коротко ткнула финкой под подбородок лежащему, вскочила в коридорчик. Женька бросился следом.

Дверь справа распахнулась, в коридор высунулся встрепанный человек в кителе нараспашку. Катрин, не останавливаясь, придавила его к переборке, ударила финкой.

– Проверь!

Женька прыгнул в крошечный кубрик, больно задев коленом железный косяк. С верхней койки свесил голову человек, ошалело моргая. Увидев жуткую фигуру в просторном пятнистом балахоне, разинул рот, собираясь орать. Пришлось бить пистолетом прямо в зубы. Отвратительно хрустнуло. Человек замычал, вцепился в подушку. От повторного удара обмяк. Женька врезал еще раз, метя в основание черепа, как учили. Надо бы, того... зачистить.

Ствол ТТ уткнулся в спину в нечистой фуфайке. Звук выстрела тело заглушит...

Черт, нехорошо как-то. Права начальница, развел сопли гуманные.

В коридоре послышались приглушенные шаги. Женька вскинул пистолет. В дверь осторожно заглянула светловолосая голова:

– Ты меня когда-нибудь точно пристрелишь, Земляков. Пошли. Это действительно «Жиу». И этот наш драгоценный фон Миттель именно здесь квартирует. Но возникла некая проблемка...

– У меня тоже... проблемка, – пробормотал Женька. – Я чего-то не могу, вот так, бессознательного...

Начальница молча сгребла за капюшон, пихнула к двери. Женька вышел, вытер взмокшее лицо. Хорошее у них на кораблях отопление. Катрин выскользнула следом, – финка уже вернулась в ножны.

– Извини, – прошептал Женька. – Ножа мне не дали. И вообще...

¹² – Что за корабль? Отвечай! (нем.)

¹³ – «Жиу», господин офицер. Я ни в чем не виноват (нем.)

– Иди-иди, сирота правозащитная. Потом поговорим...

Эта каютка было попримечнее. Даже этажерка с книгами имелась. Мертвец вытянулся вдоль койки, второй труп сидел снаружи, у трапа, уткнувшись лбом в поручень. Толкунов устроился на узком письменном столе, бережно уложив винтовку на колени, разглядывал привинченный к стене сейф.

– Ключики? – поинтересовалась Катрин.

– Нету.

– Как нету?

– Вот так. Китель я проверил. Сумка, карманы. Ящички вот у стола...

– А это точно Миттель?

– Вот его личные документы. Я, конечно, не толмач, но фамилию расшифровать могу. Женька глянул документы. Он. Капитан-лейтенант. Мертвый выглядит значительно старше, чем на фото. Простреленная грудь идентификации не мешает.

– Проглотить ключик он, полагаю, не мог? – Катрин глянула на сейф, с виду старинный и массивный.

– Да когда он бы успел? – раздраженно прошептал старший лейтенант.

– Судя по всему, этот ключик еще фиг проглотишь, – заметила Катрин, оценивая размеры замочной скважины.

– Антиквариат, – пробормотал Женька.

– Давайте без намеков, – скрипнул зубами Толкунов. – Сам вижу, что нужно было живьем брать. Он за пистолетом дернулся, а тут еще снаружи затопали. Кто знал, что на таком древнем баркасе настоящий сейф окажется?

– Давайте шмонать. Жень, на тебе документы и бумаги. Вдруг подсказка найдется? А мы остальным займемся.

Подсказок не было. Женька просмотрел бумаги: личные документы, письмо от жены, квитанции с узла связи. Лежащий у каюты оказался румыном, – судя по нашивкам, капитаном «Жиу». В карманах, кроме коробки шикарных папирос и зажигалки, вообще ничего. Начальство в молчании переворачивало вверх дном каюту. Собственно, искать было просто – всего-то три квадратных метра. Женька на всякий случай поднялся в рубку. Здесь в темноте сидел Миша-Махсун.

– Как там?

– Хреново. Сейф. И ключей нет.

– Здесь тоже сейф, – прошептал Миша. – Я глянул на всякий случай.

– Здорово. Открыт был, что ли?

– Отчего открыт? Я сам дверцу отогнул. Вон ломик. А сейф так – жестянка. Там бумаги...

Женька сгреб бумаги, вернулся вниз к свету. Спешно стал смотреть добычу. Все не то – сплошь на румынском. Лоции, карты. Возможно, и полезное, но не то.

– Давайте взрывника сюда, – решительно сказала Катрин. – Или вскрыет, раз «медвежатник» такой одаренный, или пусть к взрыву сейф готовит.

– Какой взрыв?! Очнись, Катюша, – зашипел старший лейтенант. – Нашумим – здесь и останемся.

– Под налетом рванем. Не зря ведь ходили, – уперлась начальница.

– Так убьют нас вообще на хрен! – возмутился Толкунов.

– Подождите, может, Мишка тихо откроет? – рискнул вставить слово Женька.

– Откроет, как же! – командир пнул сейф. – Вон какой антик. Здесь профи нужен.

– Так, может, их учили, – заикнулся Женька. – Они – СМЕРШ. А мы...

- Что «мы»?!
- Что «мы», Земляков? Ты что здесь рассуждения и обсуждения развел? – возмутился старший лейтенант.
- Ну, вы тут обсудите общее падение дисциплины, а я пока взломщика сменю, – вмешалась Катрин.

Через несколько секунд Миша-Махсун переступил через труп румына и заглянул в каюту:

- Ай, вот она.
- Она-она, – Толкунов, видимо, пытался сдержать себя. – Две минуты, и вердикт выноси. Времени в обрез.

Шахметов опустился на колени перед сейфом, провел мозолистыми пальцами по литым завитушкам. Старший лейтенант переминался у двери. Женька, сам не любящий, когда через плечо смотрят, занялся румынской картой. Интересный все-таки язык. Экие лексемы на латинский лад.

– Товарищи офицеры, а он, наверное, такой... театр, – после паузы неуверенно сказал Миша-Махсун.

- Что значит «театр»? – изумился Толкунов.
- Немного ненастоящий, – пояснил взрывник. – Тыльная сторона – деревяшка.
- Ты в своем уме? Это ж девятнадцатый век. Художественное литье.
- Здесь литье, там дерево, – Мишка постучал по окрашенному темно-зеленой краской боку. – От стены отрывать можем?

Оторвать не получилось, сейф был привинчен к переборке надежно. Попытались поддеть ломиком, но инструмент оказался коротковат.

- Настоящий лом нужен, – решил взрывник.
 - Земляков, одна нога здесь, другая – там, – приказал Толкунов.
- Где на корабле искать шанцевый инструмент, Женька понятия не имел, потому сразу поднялся к опытной наставнице.

– Охраняй. Я сама. Ужас, как люблю сейфы ломать...
Начальница соскользнула по трапу, оставив винтовку. Женька примерился – Манлихер¹⁴. Такую древность в руках держать еще не приходилось.

Внизу скрипнуло, казалось, весь катер вздрогнул. Почти тут же в рубку поднялась давящаяся смехом начальница.

– Иди. Там макулатуры полным-полно. Ящичек-то и правда с фальшивым тылом. И ключик нашелся.

Женька поспешно пошел вниз. В разгромленной каюте сорванный сейф лежал набоку, красивая дверца была распахнута, в ней торчал большой ключ с коваными завитушками. Командир и Миша извлекали из темного нутра карты и запечатанные пакеты.

- Ключ, что, внутри был? – изумился Женька.
 - Не отвлекайся, Земляков. Тебе работать пора, – шепотом прикрикнул Толкунов.
- Женька занялся делом. Здесь все было понятно. Немецкую педантичность принято высмеивать, а ведь и грабить аккуратных фрицев одно удовольствие. Женька увлекся, покашливание командира сразу не понял.

– Миш, ты Катю сменил бы. Здесь вроде по-английски. А может, по-румынски. Не мой профиль, – сказал Женька.

- Понял, – взрывник исчез.

¹⁴ Манлихер – устаревшая винтовка калибра 6,5 мм. Изготавливалась в Австрии по заказу румынской армии

– Земляков, ты в курсе, что чужие не все подряд должны видеть? – поинтересовался Толкунов. – Мы здесь делом заняты, а не пыльные исторические архивы в ЦАМО разбираем. Живее копайся.

– Так точно! – Женька почти все уже разобрал. Собственно, на Базу имеет смысл забрать только два пакета и карту с этими замечательными, чудесными, аккуратненькими минными полями. Остальное местным отойдет. Местным, а не чужим. Зря старлей так про Мишку. Какой же Шахметов чужой?

– Неужели Шекспира в подлиннике нашли? – в двери возникла Катрин. – Люблю я английскую «мову».

– Отставить шуточки! – Толкунов явно продолжал нервничать. – Давайте закругляться.

– Куда нам закругляться? До рассвета еще час. До подлетное время наших соколов не меньше часа. Ждать придется.

– Да мы с документами еще провозимся и с минированием, – Толкунов взял винтовку, подержал, снова положил на койку.

– Я готов! – Женька оглянулся на начальницу: – Это к нам, на «Фрунзе», а это через фронт пойдет.

– Сюда давай, – Толкунов сложил оба пакета и карту в немецкий планшет, запихнул за пазуху. – Готовим к взрыву и отходим...

* * *

Женька помогал распахивать толовые шашки. Взрывник работал спокойно – сразу видно, опыт солидный. Даже пояснять успевал кое-что. Взрыв должен быть точечным, похожим на попадание бомбы. В то же время «Жиу» обязательно должен затонуть. Вывести бы его подальше от пирса.

– Но эт мы делать не будем, – Миша-Махсун утер взмокший лоб. – Чест говоря, я плавать почти не умею. Пусть у берега затонет.

– А если фрицы нырять начнут? Вообразят, что сейф уцелеть мог.

– Тут один корпус от корыт останется, – заверил взрывник, возясь с детонаторами. – Не сомневайтесь, товарищ младший лейтенант.

Женька сомневаться и не думал. Работу профессионала сразу видно. Главное, со временем взрыва не ошибиться. А времени всласть понырять у противника не будет.

Выбрались в рубку, и Женька сообразил, что уже светает. Портовые здания проступали в серой полутьме. Катрин стояла у штурвала со вскрытой банкой консервов, ела с ножа и разглядывала хаос на причалах.

– Угощайтесь. Румынский овощпром. Но мясо там тоже имеется. Товарищ старший лейтенант брезгует. Уверен, что там бараньи яйца.

Женька осторожно подхватил с лезвия финки густое месиво. На вкус оказалось остро и довольно вкусно. Взрывник тоже попробовал.

– Ничего. Хлеба бы еще. Только с чего товарищ командир решил про барашка? Здесь вроде говядина.

– Про бараньи яйца догадку я высказала, – призналась Катрин. – Не чего это мне в голову взбрело? Романтические ассоциации какие-то.

Мишка старался не ухмыляться:

– Мы к взрыву готовы. Осталось время выставить. Какой приказ будет?

– Товарищ старлей сейчас решает, – Катрин вскрыла новую банку. – Тут такое дело – с взрывом просчитаться нельзя. Если часовых до налета начнут менять...

– А он сам-то где? – поинтересовался Женька.

Начальница указала финкой на потолок рубки:

– Наверху товарищ старший лейтенант. Обстановку изучает, нас, обжор, прикрывает. Чапай думает, короче.

Теперь Миша улыбаться не стал. Наоборот, слегка напрягся и сказал:

– Я проверю заряды. Мало ли...

Взрывник соскользнул по трапу. Женька вздохнул.

– Не ерзай, Земляков, – сказала Катрин, жуя. – Я девушка открытая. Даже комсомолкой была несколько дней. Чего это я свое мнение скрывать должна? К тому же мы с тобой сегодня обязаны героически пропасть без вести. И наш товарищ командир, кстати, тоже. Война нас спишет.

– Это конечно. Только все равно за спиной болтать нехорошо.

– Вернемся, я все в глаза выскажу, – посулила Катрин. – И ему, и начальству. Я, блин, с ним даже за один монитор садиться не желаю. Нашли мне замену, банши его покусай.

– Это наши дела. А Шахметову как такое слушать? Может, он за провокацию принял?

Он из СМЕРШа, со всеми вытекающими.

Катрин посмотрела, слизнула с лезвия финки соус, умудрившись не порезаться.

– Знаешь, Евгений, ты, похоже, проникся. Молодец. Нет, я серьезно. Походатайствую перед начальством, чтобы тебе лишнюю увольнительную дали.

– Спасибо.

– Нет, за это мне Иришка спасибо скажет. Насладиться лишней раз твоим обществом, Земляков. Приголубит, приласкает. Возможно, в последний раз.

– Э, а почему это в последний?

– Убьют тебя, идиота, скоро. Вот, может, в следующей командировке. Потому что в людях ты разбираешься так, примерно как я в нижнесаксонской поэзии. С Толкуновым в группе ходить нельзя. У меня инстинкт. Мгновенная реакция организма. Туповатая и необъяснимая, но безошибочная.

– Он командир. Назначенный сверху. Там его проверяли.

– Нет, это мы его сейчас проверяем. А сверху его настойчиво рекомендовали. Наверняка имели для этого основания. Но ошиблись. Такое бывает. Смотри, по возвращении не вздумай в интеллигентность играть. Он тебе не нравится.

– Чего он мне нравиться должен? Мне девушки нравятся. Вроде тебя и Иришки.

– Спасибо за комплимент. С Иришкой я конкурировать не собираюсь. Девочка хорошая. А я тетенька скверная, – Катрин поставила пустую банку у иллюминатора, – поэтому говорю прямо. Толкунов – не наш. Возможно, для армии он очень нужный, полезный и даже необходимый человек. В атаку батальоны поднимать тоже кому-то нужно. Непреклонность и личное мужество перед строем демонстрировать нужно. Дело достойное, ничего не говорю. Но наше «К» – это не совсем армия. Нас к ГлРу приткнули, потому что ничего более подходящего для таких дурных не нашлось. Мы на инстинкте куда чаще, чем на трезвом расчете, работаем. На самом деле никому не нужно эту войну менять. Выиграли давным-давно, и ладно. Зачем в «кальке» ковыряться? Пользы – ноль целых хрен десятых. Просто нам очень хочется. Этакое смутное, но непреодолимое влечение.

– А как же насчет наработок опыта? Возможных ситуаций в дальнейшем?

– Вот именно – возможных. Даже не гипотетических. Опять полная неопределенность. Чувствуем, что нужно, но не можем понять почему и для чего. Обдумай на досуге, Земляков. Что касается Толкунова – вернемся, и ну его на фиг. У меня был один хороший корешок. Друг, можно сказать. Жулик и проныра просто жуткий. Так у него была характерная особенность – крайне чувствительный желудок. Еще ничего не случилось, а у него брюхо уже вовсю крутит. Всё – близкие неприятности гарантированы.

– Мутант-экстрасенс?

– Нет, – Катрин усмехнулась. – Человек. Ворюга с очень сложным кодексом чести.

– Ну, не знаю. Мне, честно говоря, больше такие, как ты, нравятся. Прямые.

– Путаешь. Это я стройная. А прямой меня вряд ли обзвать можно. В юности прямолинейностью грешила, но на данный момент уверенно изжила сей возрастной недостаток. Теперь иной раз могу себе позволить чуть-чуть наглость проявить. Но ты это как пример для подражания не бери.

– Это почему?

– Я сама свою жизнь строю. Такая у меня планида. А ты человек общества.

– Ого, интересная теория.

– Какая еще теория? Мне об этом одна богиня сказала. Ты с богинями знаком? Нет? Вот видишь. Зато у тебя на шкуре есть родинки. А я чистая, как из пробирки. Вот и ковыряюсь сама по себе. Нет мне предначертания.

– Очень круто.

– Думаешь? Вот попробуй сам за все с тобой происходящее отвечать. – Катрин горестно вздохнула: – Вообще, неуместный разговор. Сидим здесь как на иголках, да я тебе еще и эзотерические небылицы плету. Что там верховный главнокомандующий? Заснул, что ли? Рассветло уже совсем.

Женька машинально взял жестянку и принялся выковыривать остатки овощей. Действительно, ну и в фантазии ударились начальница. Родинки здесь при чем? Онкологии боится, что ли?

Дверь рубки чуть скрипнула, внутрь скользнул Толкунов:

– Уходим. Радист самолеты вызвал, будут через час. Заводим «будильник» и отходим.

* * *

Не получилось. Все было готово, уже выбрались на палубу, когда Катрин отпрыгнула назад, чуть не сбив с ног коренастого Мишу-Махсуна.

– Патруль!

Все заскочили в рубку. Катрин выглянула в иллюминатор:

– Не патруль. Разводящий со сменой.

По причалу среди старых ящиков и ржавых тросов, неторопливо плелись четверо румын во главе с капралом.

– Прорываемся, – решил Толкунов, скидывая с плеча винтовку.

– Сразу четверых не свалишь. – Катрин шмыгнула за рубку, рванула шинель с мертвеца. – Жень, давай...

Женька спустился по сходням в кое-как накинутой шинели. Выглядел нелепо: голова непокрыта, дурацкая шинель топорщится поверх телогрейки и маск-костюма, торчат пятнистые ноги, да еще «Манлихер» с длинным штыком так и норовит соскользнуть с плеча.

Румыны уже вертели головами, удивляясь, куда подевался часовой. Женька поправил ремень винтовки и приветственно поднял с трудом гнущуюся руку. Черт его знает, как в Королевском флоте положено честь отдавать.

Сержант еще издали что-то сердито сказал. Женька покаянно закивал, махнул рукой в сторону катера. Сержант рывкнул. Ну что за наказание эта романская группа языков? Женька неловко приставил винтовку к ноге, ткнул пальцем на «Жиу». Румыны наверняка уже разглядели, что встречает их не часовой, но еще секунду потянуть можно. Женька пьяновато улыбнулся. Румыны подошли уже почти вплотную, но хвататься за винтовки не спешили. Усач-капрал открыл рот...

Выстрела Женька не слышал, только с капрала слетела бескозырка и он начал падать. В красивых жгуче-черных глазах молодого матроса мелькнул ужас, – парень смотрел не на Женьку, а на свою грудь – на сукне алели крошечные капельки крови, разлетевшиеся из прострелянного черепа капрала. Женька ударил прикладом того моряка, что ростом повыше. Метил в подбородок, но одежда сковывала движения, угодил в горло. Румын отшатнулся. Второй, присевший от испуга, куклой опрокинулся на спину, – на переносице темнело входное отверстие пули. Женька еще раз добавил «своему», – окованный приклад «Манлихера» смял бровь. Румын, стоявший за спинами товарищей, наконец вышел из ступора. Пискнув, повернулся спиной. Нет, вот бежать тебе нельзя. Женька перехватил винтовку и в отчаянном выпаде достал черную спину штыком. Ножевидный клинок входил неохотно, человек отчаянно задергал локтями, словно собираясь вспорхнуть, соскочить со штыка. Женька давил, теряя равновесие. Румын со стоном начал опускаться на колени. Тут у самого Землякова потемнело в глазах – удар в спину был сильный. Женька ударился подбородком о бетон пирса, отпустил увязшую винтовку. Успел откатиться на локоть, обернуться, – за спиной возвышался огромный румын с винтовкой наперевес. Текла кровь из разбитой брови, а матрос все заносил, заносил штык. Какие же у них штыки широкие...

Винтовка сбилась с замаха, румын неловко качнулся вперед, – со спины на нем висели-обнимали, ладонь в перчатке закрыла ощерившийся рот. Матрос вздрогнул раз, другой, – глаза расширились от невыносимой боли в пронзенной печени. Катрин умирающего отпустить не стала, так, обнимая за шею, и поволокла к воде. Кинула взгляд через плечо – зеленющие глаза светились:

– Жив? Шевелись.

Женька поднялся на четвереньки, ухватил за ворот мертвого капрала. За спиной негромко плеснула вода. Мелькнула мимо пятнистая тень наставницы. Женька, морщась от боли в ушибленной прикладом спине, спихнул свой груз. У, блин, шмякнулся как кит какой-то.

– Спокойнее, Жень, – Катрин тянула к краю пирса следующего.

Женька добежал до «своего», поверженного в рукопашном бою, – румын еще дергался, пытался избавиться от увязшего между ребер штыка. Медленно катилась по бетону бескозырка. «MARINA REGALA»¹⁵. Красиво звучит. Женька выдернул винтовку, ударил моряка штыком под лопатку, стараясь наверняка. Румын вздрогнул.

– Взяли! – Катрин ухватила тело за ворот шинели. Женька, забросив винтовку за плечо, подхватил ноги.

Плеснула маслянистая мутная вода, приняла еще теплое тело. Колыхались полы шинели – не хотел человек на дно идти.

– Ходу! – Катрин метнулась в сторону, подхватила бескозырку. Затирать пятна крови было некогда, да и натечь много не успело.

От угла склада нетерпеливо махал Толкунов. Дальше с автоматом страховал Миша-Махсун.

Задыхаясь, забрались на НП. Радист помогал подниматься по стене:

– Ох, ну и застряли вы! Я радиogramму уже тридцать семь минут как дал. Сейчас нагрянут наши летуны. А вы, товарищи младшие лейтенанты, лихо работаете! И штыковой бой как на картинке, и рукопашный.

– М-мх, – неопределенно промычал Женька, вытирая ладони о грязный маскхалат. Спина болела, кажется, еще сильнее.

– Зубы целы? – Катрин протянула флягу: – Прополощи.

¹⁵ Marina Regala – Королевский флот.

Женька сплюнул сначала красную воду, потом розовую. Зубы все-таки были целы, но вид не гламурный. И что Иришке теперь врать?

– Товарищ Земляков, объявляю благодарность, – Толкунов пожал руку. – Действовали решительно, изобретательно. Командованию доложу. Ну и о ваших действиях, Катюша, само собой. Но в следующий раз старайтесь не перекрывать линию стрельбы. Было бы проще.

Женьке хотелось выматериться. Катька иногда так умеет – грязно, чтобы даже водителя маршрутки передернуло.

– Готовимся к отходу, – распорядился Толкунов, ставя к стене снайперскую винтовку. – Шахметов и Овсянников – уходите на угол 2-го Портового, замираете и ждете наших. Документы передать только лично в руки непосредственному начальству. Ну, вы все помните.

– Надо налет и взрыв отследить, – угрюмо сказала Катрин.

– Всенепременно, Катенька. Отследим и сразу уходим. Нам еще основное задание выполнять, – Толкунов улыбнулся.

Раз начальство довольно, так и подчиненным легче. Женька пристроился у стены, поковырялся под маскхалатом, отыскивая в карманах то, что называлось носовым платком. Смочил из фляжки, прижал к саднящему подбородку. Начальница покосилась, наверное, хотела приказать распечатать индивидуальный пакет. Но смолчала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.